

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы постсоветского пространства

Научный журнал

Т. 11, № 3
2024

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 11, № 3
2024

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 11, № 3
2024

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 11, № 3
2024

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплексных теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутлов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.09.2024
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrei G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrei V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology "Soyuzvodproekt", Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis "The Centre of regional research"
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.09.2024
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии.....188

Сергей С. Жильцов

Проблема военной безопасности в современных российско-норвежских отношениях.....198

Никита А. Флегонтов

Влияние глобальных климатических изменений на условия жизни малочисленных коренных народов Российской Арктики.....212

Анастасия Д. Горлова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Влияние кризиса на Украине на отношения России и Африки.....222

Анастасия Е. Виноградова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны.....236

Сеймур М. Агамалиев

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Государственно-конфессиональная политика в России.....249

Ирина В. Колосова

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

The role of transport corridors for the development of Central Asia.....188

Sergey S. Zhiltsov

The problem of military security in the modern Russian-Norwegian relations.....198

Nikita A. Flegontov

**Impact of global climate change on the living conditions
of small indigenous peoples of the Russian Arctic..... 212**

Anastasia D. Gorlova

ECONOMY

Impact of the crisis in Ukraine on Russia-Africa relations.....222

Anastasia E. Vinogradova

POLITICS

**The role of Neo-Ottomanism and its features in the context
of the Second Karabakh War..... 236**

Seymur M. Agamaliev

HISTORY AND RELIGION

The State Confessional Policy in Russia.....249

Irina V. Kolosova

Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: в последние десятилетия страны Центральной Азии стали участниками разных проектов международных транспортных коридоров. Для стран региона эти проекты представляют значительный интерес, поскольку позволяют преодолеть географическую удаленность от основных рынков сбыта. Большая часть транспортных проектов была инициирована внерегиональными акторами, которые в свою очередь, проявляют к Центральной Азии повышенный интерес. Разработка и продвижение проектов транспортных коридоров определялись, прежде всего, долгосрочными экономическими интересами. Для внерегиональных государств, прежде всего, США, ЕС, Китая, Турции, приоритетной задачей являлось закрепление государств Центральной Азии в сфере своих интересов. В последние годы транспортные международные коридоры были дополнены двусторонними и многосторонними механизмами, которые инициировали внерегиональные акторы. Они направлены на формирование устойчивых политических и экономических отношений с центральноазиатскими государствами. Для стран Центральной Азии участие в международных транспортных коридорах дает возможность получать доходы от транзита грузов, идущих через территорию региона, и одновременно открывает новые возможности для организации поставок собственной продукции на внешние рынки. В частности, большое внимание уделяется проекту Транскаспийского международного транспортного маршрута. Помимо других транспортных маршрутов, этот проект привлекает внимание ЕС и Китая, которые рассчитывают увеличить по нему поставки товаров. Новым направлением политики внерегиональных государств в отношении Центральной Азии является получение доступа к месторождениям редкоземельных металлов. Большая роль в реализации проектов, связанных с разработкой месторождений редкоземельных металлов и его вывозом из региона отводится транспортным коммуникациям, идущим из стран Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, транспортные коридоры, Россия, ЕС, США, Турция, инфраструктура, редкоземельные металлы

Для цитирования: Жильцов С.С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):188–197. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>

Поступила 23.07.2024

Принята в печать 20.08.2024

Опубликована 30.09.2024

The role of transport corridors for the development of Central Asia

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: in recent decades, Central Asian states have become participants in various projects of international transport corridors. For the countries of the region, such projects are of significant interest, as they make it possible to overcome geographical remoteness from the main markets. Most of the logistical projects have been initiated by non-regional actors, which in turn are highly interested in Central Asia. The development and promotion of transport corridors have been determined primarily by long-term economic motives. For non-regional players, primarily the United States, the EU, China and Turkey, the major task has been to maintain the Central Asian states in the sphere of their interests. In recent years, international transport corridors have been supplemented by bilateral and multilateral mechanisms initiated by non-regional actors. They are aimed at forming sustainable political and economic relations with the Central Asian states. For regional countries, participation in international transport corridors provides an opportunity to receive revenues from the transit of goods passing through the region, and at the same time opens up new opportunities for organizing the export of their own products to foreign markets. In particular, the article provides an overview of the Trans-Caspian International Transport Route. In addition to other logistical routes, this project attracts the attention of the EU and China, which expect to increase the supply of goods through it. A new direction in the policy of non-regional states towards Central Asia is gaining access to deposits of rare earth metals. A big role in the implementation of projects related to the development of deposits of rare earth metals and their export from the region is assigned to transport communications coming from the countries of Central Asia.

Keywords: Central Asia, transportation corridors, Russia, EU, USA, Turkey, infrastructure, rare earth metals

For citation: Zhiltsov S.S. The role of transport corridors for the development of Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):188–197. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>

Received 23.07.2024

Revised 20.08.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

Международные транспортные коридоры (МТК), которые обсуждаются или уже реализуются в Центральной Азии, имеют большое значение для стран региона. Подавляющее большинство транспортных

маршрутов проходит через центрально-азиатские страны. Именно с их помощью страны региона рассчитывают преодолеть географическую удаленность от морских коммуникаций, получить

новые возможности для поставок своей продукции на внешние рынки [1]. Кроме того, транспортные артерии привлекают страны Центральной Азии своими геоэкономическими возможностями. Центральнo-азиатские государства хотели бы стать частью глобальных цепочек товаров, которые сложились или продолжают развиваться между Европой и Китаем. Соответственно, «развитие МТК является приоритетным направлением транспортной политики стран Центральной Азии на пути усиления интеграции в международную транспортно-логистическую систему» [2].

Исследователями Евразийского банка развития было предложено понятие «Евразийский транспортный каркас» [3]. По ним авторы работы понимают «сеть сопрягающихся широтных и меридиональных международных транспортных коридоров и маршрутов, обеспечивающих внутреннюю и трансконтинентальную связанность стран Евразии» [3]. К евразийскому транспортному каркасу авторы исследования относят Северный, Центральный и Южный евразийские коридоры, МТК ТРАСЕКА и мультимодальный международный транспортный коридор «Север — Юг». «Суммарный объем международных перевозок грузов по пяти коридорам в 2023 году превысил 260 млн тонн, в том числе 3,6 млн контейнеров. По сравнению с 2013 годом объем международных перевозок контейнеров возрос более чем в три раза» [3].

Большая часть проектов МТК была инициирована внерегиональными государствами, для которых было важно привязать Центральную Азию к собственным интересам.

Кроме Северного евразийского коридора, который соединяет Европу и Азию через Россию и Южного евразийского коридора, формирующего транспортные

связи Турции, Ирана и Пакистана, остальные коридоры проходят через страны Центральной Азии. Так, Центральный евразийский коридор «обслуживает транспортные связи между Китаем, странами ЕАЭС и Западной Европой»; МТК ТРАСЕКА «обеспечивает внутреннюю и внешнюю транспортную связанность стран Центральной Азии и Южного Кавказа»; Транскаспийский транспортный маршрут (ТМТМ, Срединный коридор) «обеспечивает торговые связи Китая, Казахстана, стран Южного Кавказа, Турции и Южной Европы»; Международный транспортный коридор «Север — Юг» (МТК «Север — Юг») «обеспечивает транспортные связи России, стран ЕАЭС и Центральной Азии с государствами Персидского залива и Южной Азии» [3].

Некоторые проекты транспортных коридоров, которые проходят через территории стран Центральной Азии, были инициированы внерегиональными государствами. В частности, в продвижении некоторых коридоров заинтересованы ЕС и Китай, которые последовательно расширяют взаимодействие со странами Центральной Азии. Они отводят большую роль транспортным коридорам в планах экономического развития. Для Китая территория стран Центральной Азии представляла привлекательный маршрут поставок товаров в Европу. Для ЕС значение центральноазиатских государств определяется долгосрочными задачами экономического развития. Соответственно, реализация инфраструктурных проектов рассматривается Брюсселем и Пекином в качестве нового каркаса экономических отношений, направленных на укрепление внерегиональными акторами своих позиций.

Данный курс был обозначен в ходе саммита «Китай — Центральная Азия», который состоялся в мае 2023 года. На нем

были подтверждены договоренности сотрудничающих сторон по «всемерному укреплению позиций стран Центральной Азии в глобальной системе международных транспортных коммуникаций в качестве трансевразийского логистического хаба»¹. В октябре того же года состоялась заседание глав внешнеполитических ведомств стран Центральной Азии и государств-членов ЕС. Речь шла о сближении транспортной инфраструктуры стран Центральной Азии с Трансевропейской транспортной сетью (TEN-T), разработке критических сырьевых материалов и финансировании «зелёных» проектов в регионе [4].

Другой международный транспортный коридор — «Север — Юг», который проходит в том числе, и через центральноазиатские государства, был инициирован Россией, для которой было важно получить прямой выход на внешние рынки.

В целом, за несколько десятилетий для евразийского пространства было разработано и осуществляется ряд крупных международных транспортных проектов. В их деятельности активное участие принимают страны Центральной Азии, рассчитывая укрепить свои экономические позиции.

КОРИДОР «СЕВЕР-ЮГ»

Старт проекту международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг»

дало подписание в 2000 году Россией, Индией и Ираном межправительственного соглашения в ходе Второй международной евроазиатской конференции по транспорту. В настоящее время в МТК «Север — Юг» выделяют три маршрута: западный, восточный и Транскаспийский.

МТК «Север — Юг» имеет большое значение для стран Центральной Азии². Его восточная «ветка» проходит через страны Центральной Азии — Казахстан и Туркменистан³. Коридор включает инфраструктуру железнодорожного, автомобильного и внутреннего водного транспорта, морские порты на Каспии (Астрахань, Оля, Махачкала, Баку/Алят, Актау/Курык, Туркменбаши, Энзели, Ноушехр, Амирабад), порты Персидского залива (Бендер-Аббас и Чабахар), автомобильные (АПП) и железнодорожные пункты пропуска, а также международные аэропорты.

Объем грузоперевозок по всем трем «веткам» коридора в 2022 году составил 14,5 млн тонн. Около 70% от всего грузопотока приходится на Западную ветвь маршрута (10,3 млн тонн в 2022 г.), около 25% — на Транскаспийскую (3,6 млн тонн в 2022 г.) и около 5% на Восточную (0,7 млн тонн)⁴. По МТК «Север — Юг» в 2023 году морским транспортом перевезено 5,54 млн т грузов, что на 55% больше, чем в 2022 году⁵. Грузопоток Восточного маршрута достиг 1,6 млн тонн, из них

¹ Полный текст Сианьской декларации саммита «Китай — Центральная Азия». 19 Май, 2023. <https://russian.cgtn.com/news/2023-05-19/1659526778029502466/index.html> (дата обращения: 13.06.2024).

² Юридической базой создания коридора «Север — Юг» стало подписание 12 сентября 2000 г. в ходе Второй Международной евроазиатской конференции по транспорту (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) тремя странами — Республикой Индия, Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией — межправительственного Соглашения о международном транспортном коридоре «Север — Юг».

³ Западная «ветка» коридора идет по западному берегу Каспия, Транскаспийская — через Каспийское море.

⁴ Развитие транспортного коридора «Север-Юг». 14.05.2024. <https://e-cis.info/news/566/118105/?ysclid=m303tmxrbx767974575> (дата обращения: 23.06.2024).

⁵ Объем морских грузоперевозок по МТК «Север-Юг» вырос на 55% за 2023 год. 12.02.2024. <https://morvesti.ru/news/1678/107534/> (дата обращения: 25.06.2024).

1,1 млн тонн — морским транспортом⁶. Всего, в 2023 году по МТК «Север — Юг» было перевезено 19 млн т грузов [3].

Для стран Центральной Азии интерес представляет Восточный маршрут коридора «Север — Юг» (по восточному берегу Каспийского моря через Казахстан и Туркменистан). В 2022 году Туркменистан заявил о готовности присоединиться к МТК «Север — Юг».

Препятствиями для развития МТК выступают барьеры инфраструктурного, тарифного и нетарифного характера. Кроме того, стоит вопрос о загрузке коридора в двух направлениях. Например «для рентабельности перевозки калийных удобрений из Беларуси в Индию в контейнерах необходимо обеспечить обратную загрузку контейнеров. Этот вопрос на данный момент не нашел своего решения» [5].

ТРАНСКАСПИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ МАРШРУТ

Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) играет значительную роль для стран Центральной Азии. В развитии этого маршрута в большей степени заинтересованы внерегиональные игроки. «Политические соображения легли в основу альтернативных маршрутов на центральном участке коридора Восток — Запад. Помимо ТРАСЕКА в этом качестве представляется проект «Транскаспийский международный транспортный маршрут» (ТМТМ), в который вошли Каспийское морское пароходство (Азербайджан), Бакинский и Батумский (Грузия) торговые порты. Очевидное преимущество ТМТМ имеет

только для прямого сообщения Турции с КНР» [6].

Запущенный в 2017 году, в настоящее время ТМТМ рассматривается в качестве важной составляющей развития экономических отношений между ЕС и Китаем. В декабре 2021 года Брюссель инициировал стратегию «Глобальные ворота»⁷, которая направлена на реализацию проектов, в том числе в энергетическом и транспортном секторах. Основной упор планируется сделать на финансирование транспортной отрасли.

ЕС планирует значительно увеличить объемы поставок по ТМТМ. В 2023 году по маршруту было перевезено 2,7 млн т грузов. В ближайшие годы ЕС намерен довести объем перевозок по ТМТМ до 20 млн т грузов. Для осуществления данных планов Брюссель анонсировал предоставление кредитов на сумму до 10 млрд евро. В перспективе Брюссель рассчитывает увеличить объем финансирования, хотя многое будет зависеть от состояния торгово-экономических отношений между ЕС и Китаем.

Приоритетными направлениями финансирования в рамках транспортного коридора станут проекты, направленные на модернизацию портовой инфраструктуры, а также автомобильной и железнодорожной сетей в Казахстане и Азербайджане, которые являются ключевыми участниками ТМТМ. Повышенное внимание ЕС будет уделять строительству судов, которые будут осуществлять перевозки товаров через Каспийское море между Казахстаном и Азербайджаном.

В 2023 году товарооборот между ЕС и Китаем составил 782,9 млрд долл.⁸.

⁶ Грузопоток Восточного маршрута МТК «Север — Юг» в 2023 году достиг 1,6 млн тонн. 17.09.2024. <https://tek.fm/news/171705> (дата обращения: 25.06.2024).

⁷ https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (дата обращения: 26.05.2024).

⁸ China-EU — international trade in goods statistics. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения: 28.06.2024).

Отношения между Брюсселем и Пекином развиваются достаточно сложно и считается, что «Европейский союз (ЕС) и Китай могут в скором времени перейти к открытому торговому противостоянию»⁹. С другой стороны, «сохранившаяся положительная динамика двусторонней торговли оказывает благоприятное влияние на перспективы дальнейшего расширения грузовой базы евразийского железнодорожного транзита»¹⁰.

Интерес Брюсселя к ТМТМ объясняется долгосрочными экономическими планами. Расширение пропускной способности ТМТМ рассматривается ЕС в качестве необходимого условия получения надежного доступа к месторождениям редкоземельных металлов, расположенных в Центральной Азии. Именно эти месторождения представляют особый интерес для Брюсселя. Доступ к ним рассматривается в качестве шага, направленного на снижение зависимости от поставок из России и Китая. Переговоры о доступе к этим месторождениям, их разработке и вывозу сырья в Европу проводились в ходе визита Верховного представителя Евросоюза Ж.Борреля в Казахстан и Киргизию в августе 2024 года.

Усилия Брюсселя по развитию ТМТМ находят поддержку в Центральной Азии, поскольку государства региона заинтересованы в расширении торгово-экономических

отношений с Европой. Страны Центральной Азии надеются стать частью глобальных торгово-экономических цепочек, рассчитывая таким образом укрепить свои экономики. «Жизнеспособность Срединного коридора также отвечает интересам государств региона, стремящихся привлечь иностранные инвестиции. Укрепление транспортных связей будет означать углубление экономических отношений. Это означает, что вклад ЕС в развитие региона возрастет еще больше, поскольку европейские инвестиции и рынки необходимы для благополучия и развития экономик Центральной Азии»¹¹.

Одним из основных участников транспортного коридора является Казахстан, который в ноябре 2022 года принял участие в подписании «дорожной карты» вместе с Азербайджаном, Грузией и Турцией¹². Затем, в июне 2023 года Азербайджан, Грузия и Казахстан договорились о создании единого логистического оператора¹³. Компания получила название Middle Corridor Multimodal Ltd. и создается на базе Международного финансового центра Астана (МФЦА). «При этом международные финансовые институты, такие как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, выразили свою поддержку и готовность предоставить техническую помощь и инвестиции» [3].

⁹ Кулагин В., Романов Р. Евросоюз и Китай все активнее скатываются к торговой войне. 24 января 2024. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/01/24/1016430-evrosouyuz-i-kitai-vse-aktivnee-skativayutsya-k-torgovoi-voine> (дата обращения: 26.05.2024).

¹⁰ Контейнерные железнодорожные перевозки на евразийском пространстве в 2023 году. Февраль 2024. https://index1520.com/upload/medialibrary/fab/f7k6hh16cv4tirn6kqtip7wfge0p5peg/ru_.pdf (дата обращения: 26.05.2024).

¹¹ Струлькова А. Инициатива ЕС «Глобальные ворота» в Центральной Азии. 30 января 2024. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/iniatsiativa-es-globalnye-vorota-v-tsentralnoy-azii/?ysclid=ml10909alm163780353> (дата обращения: 26.05.2024).

¹² Министры иностранных дел четырех государств обсудили развитие ТМТМ. 25.11. 2022. <https://middlecorridor.com/ru/press-tsentr/novosti/ministry-inostrannykh-del-chetyrekh-gosudarstv-obsudili-razvitie-tmtm> (дата обращения: 26.05.2024).

¹³ Афонский А. Казахстан, Азербайджан и Грузия создали компанию для развития ТМТМ. 27.10.2023. <https://kz.kursiv.media/2023-10-27/fnsk-tmtm/?ysclid=m301n1q6sl93728124> (дата обращения: 26.05.2024).

В 2023 году в 2,5 раза увеличился экспорт казахстанской продукции по ТМТМ¹⁴. О приоритетах развития ТМТМ и увеличении объемов перевозок по нему до 10 млн тонн президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев заявил на встрече с Президентом Азербайджана И. Алиевым в марте 2024 г.

В 2023 году транзитные перевозки через территорию страны выросли на 21% — до 32,3 млн тонн грузов¹⁵. В перспективе «правительство Казахстана планирует увеличить объемы транзита грузов через территорию страны до 35 млн тонн к 2030 году. Для этого будут расширены «узкие места» ТМТМ и коридора Север — Юг на маршруте Казахстан — Туркменистан — Иран, что предусмотрено утвержденной концепцией¹⁶ развития транспортно-логистического потенциала страны».

В соответствии с Комплексным планом развития морской инфраструктуры Республики Казахстан на 2024–2028 гг. (утвержден в апреле 2024 г.) Казахстан приступил к реализации проектов по увеличению мощностей своих портов Актау и Курык. Речь идет о создании контейнерного хаба на базе данных портов, создание зерновых терминалов, приобретение новых морских судов.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Для стран Центральной Азии развитие транспортных коридоров играет огромную роль. Удаленность от основных

транспортных маршрутов оказывает негативное влияние на экономическое развитие. В резолюции 74/15, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2019 г. по итогам Международной конференции ООН высокого уровня по среднесрочному обзору реализации Венской программы действий для развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, на десятилетие 2014–2024 гг. (ООН, 2019), отмечалось, что «развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, и страны транзита должны прилагать дополнительные усилия для сокращения времени следования по этим коридорам и применять комплексный и рациональный подход к управлению МТК, с тем чтобы избежать дублирования»¹⁷. В этом контексте можно ожидать снижение затрат на доставку грузов, поскольку «транспортные издержки для торговли стран, не имеющих выхода к морю, в 1,4 раза выше, чем для прибрежных государств»¹⁸.

Помимо глобальных транспортных коридоров, которые направлены на формирование поставок товаров между наиболее мощными центрами экономического развития, страны Центральной Азии продвигают внутрирегиональные проекты. Их достаточно много и они играют различную роль. Кроме того, они находятся в разной стадии реализации.

Так, в декабре 2014 г. была введена в эксплуатацию новая железнодорожная линия Жанаозен — Кызылкая — Берекет —

¹⁴ там же

¹⁵ Транзитные грузоперевозки через территорию Казахстана увеличились на 21%. 23.02.2024. <https://kapital.kz/economic/123441/tranzitnyye-gruzoperevozki-cherez-territoriyu-kazakhstana-uvelichilis-na-21.html> (дата обращения: 26.05.2024).

¹⁶ «Об утверждении Концепции развития транспортно-логистического потенциала Республики Казахстан до 2030 года». Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2022 года № 1116. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200001116> (дата обращения: 26.05.2024).

¹⁷ ООН (2019) Политическая декларация по итогам среднесрочного обзора на высоком уровне хода осуществления Венской программы действий для развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, на десятилетие 2014–2024 гг. Утверждена Резолюцией 74/15 Генеральной Ассамблеи ООН 5 декабря 2019 г.

¹⁸ ЕАБР предложил меры по формированию транспортного перекрестка в Центральной Азии. 27 июня 2024. <https://tass.ru/ekonomika/21219457?ysclid=m306ytlh1265618338> (дата обращения: 28.06.2024).

Этрек — Горган протяженностью более 900 км, проходящая в направлении север — юг и соединяющая Казахстан, Туркменистан и Иран [3].

Киргизия и Узбекистан стали участниками нового международного мультимодального торгово-транспортного коридора с Афганистаном, который открыл Китай в 2023 году¹⁹. Протяженность смешанного железнодорожного и автомобильного маршрута составляет около 3125 км. Помимо этого, Узбекистан принял участие в реализации мультимодального коридора, так называемый «Кабульский коридор» (Термез — Найбабад — Логар — Харлачи). Он начинается в Узбекистане, проходит через афганскую столицу и выходит в Пакистан.

Длительное время обсуждалась реализация проекта транспортного маршрута Китай — Кыргызстан — Узбекистан. В июне 2024 года было подписано соглашение, которое дало старт его реализации²⁰. Ожидается, что маршрут откроет странам Центральной Азии новые возможности для выхода на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Так, «от транзита грузов по железной дороге Кыргызстан сможет получать около 200 миллионов долларов в год»²¹. В свою очередь, Узбекистан поддерживает «строительство железной дороги по этому маршруту. Кроме того, узбекская сторона заинтересована в развитии коридора «Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Оман — Индия» [7].

В целом, каждая из стран региона стремится использовать выгодное географическое положение и стать частью новых логистических маршрутов. Так, «в каждой из стран Центральной Азии приняты национальные стратегии развития транспорта, которые связаны с международными проектами трансевразийских транспортных коридоров, в том числе в рамках Евразийского экономического сообщества и Шанхайской организации сотрудничества» [8].

К НОВОЙ КОНФИГУРАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

После 2022 года, когда Россия начала проведение специальной военной операции (СВО) на Украине, западные государства стали больше внимания уделять Центральной Азии. Активность Запада в регионе не в последнюю очередь связана с тем, что именно центрально-азиатские государства стали новым транспортным мостом для поставок российской продукции за рубеж и для импорта в Россию.

После февраля 2022 года произошли значительные изменения в логистических цепочках поставок товаров из России в европейском направлении и обратно. Россия столкнулась со снижением объемов поставок из европейских государств. По данным Еврокомиссии, суммарный экспорт в Россию из стран ЕС с февраля 2022 года по сентябрь 2023 года сократился на 81%²². Соответственно, возникла необходимость поиска новых возможностей поставок товаров на внешние рынки и импорта в страну значительного числа товаров.

¹⁹ Китай открыл торгово-транспортный коридор с Афганистаном. 6 июля 2023. <https://tass.ru/ekonomika/18214021?ysclid=m301vmi2vq20308052> (дата обращения: 26.05.2024).

²⁰ Стал известен точный маршрут проекта ж/д Китай — Кыргызстан — Узбекистан. 14.06.2024. <https://ru.sputnik.kg/20240614/tochnyj-marshrut-zheleznaya-doroga-hina-kyrgyzstan-uzbekistan-1086085992.html?ysclid=m3025jwddu988013266> (дата обращения: 26.06.2024).

²¹ Каримов Д. Для железной дороги «Китай — Кыргызстан — Узбекистан» пробьют 48 тоннелей. 03.07.2024. <https://rg.ru/2024/07/03/doroga-cherez-tian-shan.html?ysclid=m3028r7m14780994519> (дата обращения: 04.07.2024).

²² Едовина Т. Передали через соседей. 5.12.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6379824?ysclid=m3es1f3eli72925483> (дата обращения: 26.05.2024).

Поддержка инициатив Запада со стороны центральноазиатских государств объясняется возросшим на них внешним влиянием. Страны региона столкнулись с давлением со стороны западных государств, которые добиваются пересмотра внешнеполитического курса и ослабления или разрыва торгово-экономических связей с Россией. Цели у внерегиональных акторов имеют существенные различия, однако их объединяет одно — использовать Центральную Азию в своих интересах. При этом достаточно слабые экономические возможности центральноазиатских стран предопределили характер внешнеполитического курса. Лидеры стран Центральной Азии вынуждены маневрировать между более мощными геополитическими центрами, таким образом, пытаясь решать собственные вопросы экономического и политического развития.

По этой причине, «в Центральной Азии в течение 2023–2024 годов резко выросло число инициатив по развитию широтных транспортных коридоров. В фокусе особого внимания традиционные транспортные маршруты «Восток — Запад», включая Центральный евразийский коридор, и МТК ТРАСЕКА, включая Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ). Заинтересованность в их развитии проявляли все ключевые игроки: Россия, Китай, Иран, Индия, Турция, Пакистан, европейские страны и США»²³. Как результат, «в 2023 году из общего объема (более 650 млн тонн) международных грузовых перевозок по коридорам Евразийского

транспортного каркаса 46% (300 млн тонн, +11% к 2021 г.) пришлось на Центральный и Северный евразийские коридоры» [3].

При этом для ЕС и США наибольший интерес представляют проекты, которые в конечном итоге должны нанести урон экономическим возможностям России, ограничить или полностью исключить ее из цепочек поставок товаров, понизить уровень сотрудничества с центральноазиатскими государствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие Евразийского транспортного каркаса отвечает интересам Центральной Азии, через которую проходит большинство евразийских транспортных коридоров и маршрутов. Транспортные маршруты обеспечивают связь стран Центральной Азии друг с другом и открывают доступ к морским портам и мировым товарным рынкам.

Транспортные коридоры приобрели для стран Центральной Азии ключевое значение. Их развитие рассматривается через призму увеличения поставок на внешний рынок производимой продукции. Помимо этого, страны региона видят свои территории в качестве места транзита товаров, которые идут из Китая в ЕС. Встроенность в глобальные логистические цепочки приобрела для стран региона первостепенное значение. В тоже время, активное участие в различных евразийских транспортных проектах усилило зависимость стран Центральной Азии от отношений между ключевыми игроками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зоихидов А. Альтернативные транспортные коридоры в Центральной Азии: факторы, взаимозависимость и проблемы интеграции. *Центральная Азия и Кавказ*. 2014;17(1):167-177

²³ Тагиева А. Сопряжение с региональными коридорами и рост грузоперевозок: ЕАБР оценил «Север-Юг». 07.05.2024. <https://az.sputniknews.ru/20240507/sopryazhenie-s-regionalnymi-koridorami-i-rost-gruzoperevozok-eabr-otsenil-sever-yug-464437459.html?ysclid=m3019zrbdv31207617> (дата обращения: 26.05.2024).

2. Азимов П.Х., Камолидинов Б.Т. Роль международных транспортных коридоров в процессе глобализации экономик стран Центральной Азии. *Экономика Таджикистана*. 2018;2:56-62
3. Винокуров Е., Амангельды С., Ахунбаев А., Забоев А., Кузнецов А., Малахов А. Евразийский транспортный каркас. Доклад 24/6. Алматы: Евразийский банк развития: 2024. 124 с.
4. Грачева М.Л. ЕС — страны Центральной Азии: возрастающая роль Центральной Азии в глобальной политике. *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2023;114:100-105.
5. Кожокин Е. М. Транспортный коридор Север — Юг в условиях новой реальности. *Геоэкономика энергетики*. 2022;4(20):36-55. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_36
6. Егоров В.Г. Геополитика транспортных коридоров. *Геоэкономика энергетики*. 2021;2(14):6-31. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_6 с.13-14
7. Насиров А.Д., Кадилов Ф.А. Развитие транспортных коридоров в Центральной Азии и новые региональные инициативы в транспортно-логистической сфере. *Транспорт Шелкового пути*. 2021;1:12-19
8. Ерохин В.Л. Торговля Китая со странами Центральной Азии как основа развития новых трансевразийских логистических коридоров. *Маркетинг и логистика*. 2023;3(47):20-39.

REFERENCES:

1. Zohidov A. Alternative transport corridors in Central Asia: factors, interdependence and integration problems. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;17(1):167-177 (In Russ.)
2. Azimov P.Kh., Kamolidinov B.T. The role of international transport corridors in the process of globalization of the economies of Central Asian countries. *Economy of Tajikistan*. 2018;2:56-62 (In Russ.)
3. Vinokurov E., Amangeldy S., Akhunbaev A., Zabojev A., Kuznetsov A., Malakhov A. (2024) Eurasian transport framework. Report 24/6. Almaty: Eurasian Development Bank. 124 p. (In Russ.)
4. Gracheva M.L. EU — Central Asian countries: the growing role of Central Asia in global politics. *European Union: facts and comments*. 2023;114:100-105 (In Russ.)
5. Kozhokin E. M. The North — South Transport Corridor in a new reality. *Geoeconomics of Energetics*. 2022;4(20):36-55. DOI: 10.48137/26870703_2022_20_4_36 (In Russ.)
6. Egorov V.G. The Geopolitics of Transport Corridors. *Geoeconomics of Energetics*. 2021;2(14):6-31. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_6 (In Russ.)
7. Nasirov A. D., Kadirov F. A. Development of Transport Corridors in Central Asia and New Regional Initiatives in the Transport and Logistics Sector. *Silk Road Transport*. 2021;1:12-19 (In Russ.)
8. Erohin V. L. China's Trade with Central Asian Countries as a Basis for the Development of New Trans-Eurasian Logistics Corridors. *Marketing and Logistics*. 2023;3(47):20-39 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 19021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Проблема военной безопасности в современных российско-норвежских отношениях

Никита А. Флегонтов

Научно-исследовательский клуб «Арктика» при Международном институте энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России, Москва, Россия,

flegontov.n@mail.ru

Аннотация: в статье анализируются вопросы безопасности в отношениях России и Норвегии в 2000–2022 гг. Актуальность темы обусловлена важностью норвежского направления для внешней политики РФ, существенной ролью Норвегии в Арктике, а также происходящими процессами милитаризации при усилении влияния внешних акторов на региональную военную безопасность. Цель исследования заключается в оценке изменения роли военной безопасности в двусторонних отношениях. При написании исследования автор опирался на методы сравнительного и критического анализа, контент-анализа, исторический метод, системный подход. Программа исследования включает анализ стратегического положения Норвегии и факторов её подхода к обеспечению национальной и региональной безопасности; основ военной деятельности России в АЗРФ; причин и значения усиления военного потенциала РФ в Арктике; двустороннего взаимодействия в сфере военного сотрудничества. Автор отмечает, что норвежское военное планирование во многом определяется политикой НАТО и отношениями Альянса с Россией. На фоне обострения диалога между РФ и коллективным Западом вначале после событий в Грузии, а затем по мере эскалации украинского конфликта, Россия всё больше воспринималась со стороны Норвегии как угроза национальной безопасности. Изменение норвежского подхода, в частности, выразившееся в стремлении к усилению роли НАТО в регионе, привело к сворачиванию всех программ военного сотрудничества Норвегии с Россией и спровоцировало укрепление российского военного присутствия в Арктике. В заключение автор отмечает, что, несмотря на достаточно развитое военное сотрудничество до 2014 г., в условиях глобального кризиса безопасности ожидать возвращения к докризисному уровню взаимопонимания не приходится.

Ключевые слова: Арктика, безопасность, Россия, Норвегия, НАТО, военное сотрудничество, милитаризация

Для цитирования: Флегонтов Н.А. Проблема военной безопасности в современных российско-норвежских отношениях. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):198–211. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-198-211>

Поступила 11.01.2024

Принята в печать 28.05.2024

Опубликована 30.09.2024

The problem of military security in the modern Russian-Norwegian relations

Nikita A. Flegontov

*The scientific club "Arctic" of the International institute of energy policy and diplomacy,
MGIMO-University, Moscow, Russia,
flegontov.n@mail.ru*

Abstract: The article analyzes security issues in the relations between Russia and Norway in 2000–2022. The relevance of the topic is attributed to the importance of Norway for the Russian foreign policy, the significant role of Norway in the Arctic, as well as the current militarization with the increasing influence of external actors on regional military security. The purpose of the study is to assess the changing role of military security in the bilateral relations. When it comes to the methodology, the author relies on the methods of comparative and critical analysis, content analysis, historical method, and a systematic approach. The plan of the research includes an analysis of Norway's strategic position and the factors behind its approach to maintaining national and regional security; fundamentals of Russia's military activities in the Russian Arctic zone; the reasons and significance of strengthening Russia's military potential in the Arctic; bilateral cooperation in the military sphere. The author notes that Norwegian military planning is largely determined by NATO policy and the Alliance's relations with Russia. Amid the aggravation of the dialogue between Russia and the collective West after The Five-Day War in Georgia, and the escalation of the Ukrainian conflict, Russia became perceived by the Norwegian authorities as a threat to national security. The change in the Norwegian approach, in particular, expressed in the desire to strengthen the role of NATO in the region, led to the curtailment of all programs of military cooperation with Russia and provoked the strengthening of the Russian military presence in the Arctic. In conclusion, the author notes that, despite the rather developed military cooperation until 2014, amid the global security crisis, a return to the pre-crisis level of mutual understanding in the military sphere is unlikely.

Keywords: Arctic, security, Russia, Norway, NATO, military cooperation, militarization

For citation: Flegontov N.A. The problem of military security in the modern Russian-Norwegian relations. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):198–211. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-198-211>

Received 11.01.2024

Revised 28.05.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

Норвежское направление имеет большое значение для российской внешней политики, что объясняется положением двух стран, которое не только создаёт предпосылки для взаимодействия, но и провоцирует очаги напряжённости. Во-первых, Норвегия является активным членом НАТО, придерживающейся

недружественной позиции по отношению к РФ. Ещё в 2021 г. С.В. Лавров отметил, что данное обстоятельство выступает осложняющим фактором в российско-норвежских отношениях¹. Во-вторых, королевство, играя важную роль в Арктическом регионе, влияет на национальную безопасность России, практически все направления которой, по словам В.В. Путина, сконцентрированы именно в Арктике². Следовательно, изучение проблемы безопасности в российско-норвежских отношениях приобретает особую актуальность в условиях современного кризиса безопасности, позволяя выявить фундаментальные противоречия между нашими странами в военно-политической области.

Таким образом, возникает исследовательский вопрос — в чём именно состоят различия подходов двух стран к обеспечению безопасности и какие факторы определяют военно-политические противоречия между Россией и Норвегией. Новизна исследования заключается в программном сравнении подходов к поддержанию военной безопасности на севере и выявлении ключевых факторов военно-стратегического положения обоих государств в 2000–2022 гг. Гипотеза исследования предполагает наличие существенных противоречий между Россией и Норвегией в вопросах безопасности в Арктике: в то время как Россия стремится ограничить военное влияние неарктических акторов и реализовать свои национальные интересы в регионе, Норвегия, опасаясь

активизации внешней политики РФ, всё больше опирается на НАТО как инструмент обеспечения национальной безопасности.

Цель работы заключается в оценке изменения вопроса военной безопасности в двусторонних российско-норвежских отношениях. Программа исследования включает анализ основных тенденций и факторов, обусловивших подход Норвегии к обеспечению военной безопасности, выявление отношения России к проблеме безопасности в Западной Арктике, а также анализ основных направлений военно-политического сотрудничества двух стран. При этом, в исследовании не рассматривается фактор Шпицбергена, который, по мнению автора, наиболее сильно отражается не на военном, а на экономическом и правовом измерениях безопасности в российско-норвежских отношениях.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА НОРВЕЖСКОГО РУКОВОДСТВА К ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ

Со времён начала «холодной войны» подход Норвегии к обеспечению безопасности опирается на её географическое положение. Первый элемент, определяющий географическое положение Норвегии — это общая граница с Россией. Данный фактор создаёт предпосылки для военно-политического взаимодействия, хотя по оценкам норвежского руководства, становится фактором уязвимости национальной безопасности³. Стивен Уолт отмечал, что государство в первую очередь

¹ Ковалева Д. Глава МИД Норвегии на встрече с Лавровым вспомнила о дедушке, выучившем русский. 26.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/26/glava-mid-norvegii-na-vstreche-s-lavrovym-vspomnila-o-dedushke-vyuchivshem-russkij.html> (дата обращения: 15.10.2023).

² Путин: в Арктике сосредоточены все направления безопасности страны. 13.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220413/arktika-1783293476.html> (дата обращения: 17.09.2023).

³ Proposisjon til Stortinget Nr.1 (2021-2022) for budsjetterminen 2022: одобрено Государственным Советом 24.09.2021. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/ac3c943108aa44cd8ecb59e217833ed7/no/pdfs/prp202120220001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

опасается своих собственных соседей, особенно если они обладают крупным потенциалом [1, с. 23]. Норвегия находится в непосредственной близости от баз дислоцирования Северного флота ВМФ России, который проводит крупные учения в Северном ледовитом океане (СЛО). В этой связи норвежские опасения могут показаться вполне логичными. Однако российское военное присутствие в регионе не может создавать для Норвегии какую-либо угрозу, если отношения между Россией и НАТО носят позитивный характер. В итоге появляется фактор отношений королевства с НАТО, который и определяет степень реакции норвежского руководства на внешнюю политику РФ.

Норвегия является одним из 12 государств, подписавших 4 апреля 1949 года Североатлантический договор, что рассматривалось как необходимое условие для проведения политики балансирования между странами Запада и СССР. Однако после распада СССР Норвегия не переставала видеть некоторые угрозы в самом существовании у своих восточных границ такого крупного соседа, как Россия. Данное обстоятельство вполне вписывается в логику восприятия небольшим государством своей уязвимости перед лицом более крупного соседа [2, с. 165]. Пока Россия придерживалась политики тесного сотрудничества с Западом, это обстоятельство не играло ключевой роли в норвежском

подходе к безопасности. Начало сворачивания политики балансирования, выразившееся в ставке Норвегии на отношения с Североатлантическим альянсом, было вызвано ухудшением отношений России и НАТО [3, с. 96] по итогам участия РФ в разрешении Грузино-Южноосетинского конфликта летом 2008 г., а также вхождения Крыма в марте 2014 г. в состав России. В результате, во внешнеполитическом дискурсе Норвегии, начиная с 2008 г., начала закрепляться идея о том, что российская внешняя политика основывается на использовании военного потенциала. В 2022 г. Норвегия максимально жестко отреагировала на российские действия на Украине, заявив, что они, якобы, подрывают стабильность всего мирового порядка⁴. Изменение отношения норвежского руководства к внешней политике РФ показано в таблице 1.

Отказываясь от политики балансирования, Норвегия начала делать ставку на НАТО, которая стала ключевым элементом норвежского видения безопасности. В 2009 г. силы НАТО рассматривались как важный актор в вопросах поддержания глобального мира, в то время как ключевая роль в вопросах национальной безопасности Норвегии отводилась собственным ВС королевства⁵. Тот же подход сохранился и в 2012 г.⁶ В 2015–2016 гг. НАТО уже рассматривается как основа национальной безопасности Норвегии.⁷

⁴ Proposisjon til Stortinget Nr.1 (2021-2022) for budsjetterminen 2022: одобрено Государственным Советом 24.09.2021. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/ac3c943108aa44cd8ecb59e217833ed7/no/pdfs/prp202120220001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

⁵ Proposisjon til Stortinget Nr. 1 (2008-2009) for budjetåret 2009: одобрено Государственным Советом 12.09.2008. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/7012be9bd2ea4f89a86435c802b520ad/no/pdfs/stp200820090001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 08.10.2023).

⁶ Proposisjon til Stortinget 1S. for budjetåret 2012: одобрено Государственным Советом 16.09.2011. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/25badb989d9945ed83d73b19ba9eb298/no/pdfs/prp201120120001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

⁷ Proposisjon til Stortinget 1S. for budjetåret 2016: одобрено Государственным Советом 18.09.2015. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/10336d68c60e42bcb37d92a27b333012/no/pdfs/prp201520160001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 18.08.2023).

Таблица 1. Сравнение отношения к России как фактору безопасности Норвегии со стороны норвежского военно-политического руководства

Годы	Отношение к внешней политике РФ
2002–2003	До 2008 г., когда отношения РФ с НАТО носили стабильный характер, отмечалось позитивное развитие российско-норвежского сотрудничества. ⁸
2008–2009	Заметно изменение отношения к России (появился тезис о применении Россией военной силы для «достижения своих целей»), ⁹ однако коренного перелома не произошло: у России с Норвегией сохранились диалоги сотрудничества.
2011–2012	События 2008 г. стали терять свою остроту в глазах норвежского руководства, однако отмечается рост амбициозности российских внешнеполитических целей. ¹⁰
2015–2016	В результате присоединения Крыма к РФ и эскалации кризиса на Юго-Востоке Украины Россия начала восприниматься Норвегией как государство, «проводящее агрессивную внешнюю политику». ¹¹
2016–2017	Сохранение остроты кризиса на Украине на фоне роста враждебности НАТО к РФ лишь подогревало негативное отношение норвежского руководства к России. Отмечается, что российские действия вызывают «озабоченность в отношении норвежской и трансатлантической безопасности». ¹²
2021–2022	Визит С.В. Лаврова в Норвегию в сентябре 2021 г. смог снизить остроту военно-политических вопросов в двусторонних отношениях. Хотя в норвежских политических кругах считают, что «у России есть ещё больше возможностей для использования силовых методов», общий тон стал значительно мягче. ¹³
2022	Оценка начала проведения Россией СВО на Украине является весьма жесткой: отмечается, что Россия, будучи «ревизионистской и авторитарной страной», пытается подорвать «мировой порядок, на котором зиждется безопасность Норвегии». ¹⁴ Данное заявление сделано на фоне осуждения членами НАТО действий России на Украине, ¹⁵ а также осуществления Альянсом поставок вооружения и предметов снабжения ВСУ.

Источник: составлено автором на основе «Предложения Минобороны к государственному бюджету» и других инициатив Министерства обороны Норвегии.

⁸ Proposisjon til Stortinget Nr.1 (2002–2003) for budsjetterminen 2003: одобрено Государственным Советом 13.09.2022. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/9056cd2d89224673b30b64b1e91b9f0e/no/pdfs/stp200220030001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

⁹ Proposisjon til Stortinget Nr. 1 (2008–2009) for budjetåret 2009: одобрено Государственным Советом 12.09.2008. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/7012be9bd2ea4f89a86435c802b520ad/no/pdfs/stp200820090001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 08.10.2023).

¹⁰ Proposisjon til Stortinget 1S. for budjetåret 2012: одобрено Государственным Советом 16.09.2011. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/25badb989d9945ed83d73b19ba9eb298/no/pdfs/prp201120120001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 09.05.2023).

¹¹ Proposisjon til Stortinget 1S. for budjetåret 2016: одобрено Государственным Советом 18.09.2015. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/10336d68c60e42bcb37d92a27b333012/no/pdfs/prp201520160001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 18.10.2023).

¹² Proposisjon til Stortinget 1S. for budjetåret 2017: одобрено Государственным Советом 16.09.2016. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/186c695600eb4db085dfcf2ca6825e49/no/pdfs/prp201620170001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

¹³ Proposisjon til Stortinget Nr.1 (2021–2022) for budsjetterminen 2022: одобрено Государственным Советом 24.09.2021. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/ac3c943108aa44cd8ecb59e217833ed7/no/pdfs/prp202120220001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁴ Melding til Stortinget St.10 (2021–2022) prioriterte endringer, status og tiltak i forsvarssektoren: одобрено Государственным Советом 08.04.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/6dc9df35fddb4a208794ba336efa1d45/no/pdfs/stm202120220010000dddpdfs.pdf> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁵ Заявление глав государств и правительств НАТО. 24.03.2022. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_193719.html (дата обращения: 15.05.2023).

Эта линия сохранилась и в 2019 г., когда норвежское руководство подчеркнуло, что военная политика королевства зиждется на сильном трансатлантическом сообществе безопасности в рамках НАТО¹⁶. В 2022 г. на фоне разразившегося кризиса глобальной безопасности, а также начала проведения Россией СВО на Украине норвежские власти отметили, что «серьёзное ухудшение обстановки требует присутствия норвежских ВС и ВС НАТО в Арктическом регионе».¹⁷

По вопросу роли НАТО в национальной безопасности между основными политическими партиями Норвегии существует определённый консенсус. Во время премьерства Эрны Сульберг от Консервативной партии в 2013–2021 гг. были приостановлены многие направления сотрудничества с Россией. Бывший премьер-министр от Рабочей партии, а затем генсек НАТО Йенс Столтенберг также выступал за активные действия НАТО по сдерживанию России¹⁸. Пришедший к власти в Норвегии в 2021 г. лидер Рабочей Партии Йонас Гар Стёре в последние годы много говорил о необходимости снижения активности НАТО у российских северо-западных границ¹⁹. Однако после начала проведения Россией СВО Норвегия всецело поддержала ЕС и НАТО, присоединившись к антироссийским санкциям

и оказанию военной помощи Украине. Данное решение нашло поддержку у представителей как Рабочей партии, так и норвежских консерваторов.

Усиление значения НАТО для Норвегии сопровождалось активизацией военных мероприятий Североатлантического альянса на территории королевства [4, с. 6]. В 2015 и 2017 гг. были проведены крупнейшие с 1967 г. учения НАТО в Финнмарке, Join Viking. Регулярно проводятся учения Cold Response, направленные на отражение гипотетической агрессии со стороны «соседней недемократической державы» [5, с. 363], и военно-морские учения Tident Juncture. Королевство делает особую ставку на создании специальной инфраструктуры, упрощающей переброску сил НАТО в Норвегию «в угрожающий период» [6, с. 114]. В 2021 г. Норвегия подтвердила свой статус скандинавского пионера в укреплении взаимодействия с НАТО и США²⁰, заключив соглашение, по которому Вашингтон получил право на строительство собственных объектов военной инфраструктуры на территории норвежских военных баз и свободный доступ к ним, в том числе возможность базирования в Норвегии американских атомных подводных лодок. Данное соглашение «способствует укреплению оборонного потенциала НАТО на крайнем

¹⁶ Proposisjon til Stortinget 1.S. for budjetåret 2017: одобрено Государственным Советом 16.09.2016. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/186c695600eb4db085dfcf2ca6825e49/no/pdfs/prp201620170001_fdddpdfs.pdf (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁷ Melding til Stortinget St.10 (2021–2022) prioriterte endringer, status og tiltak i forsvarssektoren: одобрено Государственным Советом 08.04.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/6dc9df35fddb4a208794ba336efaf1d45/no/pdfs/stm202120220010000dddpdfs.pdf> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁸ Столтенберг заявил, что НАТО готовилась к противостоянию с Россией с 2014 года. 29.06.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15076161> (дата обращения: 11.08.2023).

¹⁹ Новый поворот: Норвегия указала странам НАТО держаться подальше от России. 02.12.2021. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/12/02/novyy-povorot-norvegiya-ukazala-stranam-nato-derzhatsya-podalshe-ot-granic-s-rossiy> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁰ Underregning av tilleggsavtale mellom Norge og USA om forsvarssamarbeid: утвержден Королём Норвегии 16.04.2021. URL: https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/kgfres_forsvarssamarbeid/id2845034/ (дата обращения: 24.06.2023).

Севере».²¹ В 2022 г. в ответ на действия РФ на Украине норвежское руководство отметило, что «регулярное проведение учений на территории Норвегии <...> повышает доверие к системе коллективной обороны и концепции сдерживания на крайнем Севере»²². В результате северная часть Норвегии становится одним из самых милитаризованных районов Скандинавии [7, с. 88].

Наращивание сотрудничества с НАТО сопровождается проведением Норвегией «оптимизации» собственных ВС. Так, доля расходов на оборону в рамках выполнения целевого плана НАТО показала существенное снижение: с почти 3% ВВП в 1995 г. до 1,7% в 2015 г.²³ Снижение военных расходов осуществлялось за счёт закрытия военно-морских баз и сокращения численности военнослужащих в тех видах и родах войск, на которые должна ложиться основная ответственность за территориальную оборону в Западной Арктике [8, с. 75]. Правительству было необходимо сократить расходы, чтобы перераспределить ресурс с внутренних задач ВС на использование собственных подразделений во внешних военных операциях.

«Оптимизация» ВС, однако, осуществлялась одновременно с закупками вооружения у других стран НАТО, чтобы показать ответственный подход к вопросам сотрудничества в рамках Альянса. Начиная с 2012 г. осуществляются закупки американского и немецкого вооружения, в том числе истребителей F-35

и F-16. В 2011 г. Норвегия приобрела 5 фрегатов с многоцелевыми высокоточными ракетами, затем были приобретены 6 ударных ракетных катеров и новые корабли патрульной службы [5, с. 357]. При этом закупки вооружения у коллег по НАТО часто шли за счёт сокращения сотрудничества со странами NORDEFCO.

НАТО также придает большое значение Норвегии. Во-первых, королевство является «стержневым государством» НАТО, обеспечивающим контроль Альянса над всей северной частью Европы [8, с. 69]. Во-вторых, НАТО демонстрирует заинтересованность в укреплении своего влияния в Арктическом регионе. Данное обстоятельство объясняется тем, что на фоне роста борьбы за ресурсы [9, с. 33] НАТО всё сложнее мириться со своими слабыми арктическими позициями относительно влияния РФ в регионе [10, с. 72]. В-третьих, Норвегия частично «оплачивает» потенциальную помощь союзников своим активным участием в международных операциях НАТО [11, с. 17]. Так, Норвегия действовала в составе сил НАТО в Югославии, Боснии и Герцеговине, Албании, Косово, Македонии, Афганистане, Ливии и др.²⁴ Особое внимание уделялось действиям в Афганистане, как одному из важнейших направлений внешней политики. Среднее число норвежских военнослужащих, участвовавших в войне в Афганистане в 2002–2014 гг. составляло 501 человек,

²¹ Melding til Stortinget St.10 (2021-2022) prioriterte endringer, status og tiltak i forsvarssektoren: одобрено Государственным Советом 08.04.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/6dc9df35fdbb4a208794ba336efal1d45/no/pdfs/stm202120220010000dddpdfs.pdf> (дата обращения: 18.08.2023).

²² Melding til Stortinget St.10 (2021-2022) prioriterte endringer, status og tiltak i forsvarssektoren: одобрено Государственным Советом 08.04.2022. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/6dc9df35fdbb4a208794ba336efal1d45/no/pdfs/stm202120220010000dddpdfs.pdf> (дата обращения: 18.07.2023).

²³ Makroøkonomiske trender 2015 — utvikling i norsk og internasjonal forsvarøkonomi. 13.02.2015. URL: <https://publications.fhi.no/nb/item/asset/dspace:2481/15-00322.pdf> (дата обращения: 19.09.2023).

²⁴ Internasjonale operasjoner. URL: <https://www.forsvaret.no/om-forsvaret/operasjoner-og-ovelses/internasjonale-operasjoner> (дата обращения: 08.09.2023).

достигая максимального значения 908 человек в 2008 г.²⁵

Ставка Норвегии на НАТО повлияла на отношение королевства к Северо-европейскому оборонному сотрудничеству (NORDEFCO), образованному в 2009 г. по инициативе Й. Столтенберга в результате многолетнего укрепления отраслевой военной кооперации. Однако в дальнейшем, когда приоритеты Норвегии в области безопасности стали меняться, NORDEFCO потеряло принципиальную роль в норвежском военном планировании: этому формату так и не удалось стать аналогом «северо-европейского НАТО» [5, с. 362].

ПОДХОДЫ РОССИИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАПАДНОЙ АРКТИКЕ

Отношение России к Арктике основывается на ключевой роли региона в государственной безопасности, неразрывности его развития с реализацией национальных интересов РФ. Важность данного направления базируется не только на восприятии Россией своей роли в международных отношениях на основе продвигаемых принципов многополярности²⁶ и самостоятельности внешней политики,²⁷ но и на понимании необходимости освоения запасов полезных ископаемых, сосредоточенных в данном регионе, учитывая, что РФ является мировым лидером по площади морского шельфа [13, с. 10].

После 2008–2009 гг. Арктика была доктринально внесена в разряд основных

региональных приоритетов РФ, что символизировало собой «возвращение России в Арктику», осуществляемое, в первую очередь, «на основе соображений военно-стратегического экономического характера» [14, с. 42]. Так, в сформулированных в 2008 г. «Основах государственной политики РФ в Арктике...» были изложены национальные интересы России в регионе, приоритеты государственной политики, механизмы их реализации. С точки зрения военной безопасности основной задачей было провозглашено обеспечение деятельности крупных группировок войск, направленных на защиту российских арктических районов²⁸. Принятие данного документа означало возвращение России в большую арктическую политику [15, с.8].

В последующие годы доктринальное значение Арктики и Норвегии постепенно возрастало. Концепция 2013 г. впервые вписала Арктику в разряд приоритетных направлений внешней политики РФ. Подчеркивается, что Россия заинтересована в сотрудничестве в арктическом регионе, осуществляемом на многосторонней и двусторонней основах, в том числе с Норвегией²⁹. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. отмечается, что, несмотря на осложнившиеся отношения с ЕС и НАТО, Россия все равно готова укреплять международное сотрудничество в арктическом регионе, но при этом будет противодействовать превращению

²⁵ En god alliert — Norge i Afghanistan 2001-2004. 2016. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/09face-ca099c4b8bac85ca8495e12d2d/no/pdfs/nou201620160008000dddpdfs.pdf> (дата обращения: 31.10.2023).

²⁶ Концепция внешней политики РФ: утверждена Президентом РФ 28.06.2000. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 10.09.2023).

²⁷ Концепция внешней политики РФ: утверждена Президентом РФ 30.11.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁸ Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу: утверждены Президентом РФ 18.09.2008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/171e4edb8477446c94168928436e4fc3b4a66094/ (дата обращения: 17.09.2023).

²⁹ Концепция внешней политики РФ: утверждена Президентом РФ 12.02.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/flcaf06623c801607dc6984a94332042ad122fa3/ (дата обращения: 25.08.2023).

Арктики в регион «военного противостояния»³⁰.

Проблема поддержания военной безопасности в регионе подробно раскрыта в Военной доктрине 2014 г., в которой «обеспечение национальных интересов в Арктике»³¹ указано среди основных задач ВС в мирное время, а также в «Основах государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 г.», где в качестве одного из основных вызовов в данной сфере отмечается возрастание конфликтного потенциала региона и усиление в нём иностранного военного присутствия. В этой связи представляется вполне логичным, что обеспечение военной безопасности называется в качестве одного из основных направлений реализации российской политики в Арктике³².

Отношения России с НАТО также выступают важным фактором подхода РФ к безопасности в регионе. Хотя постепенная утрата доверия была заметна ещё с 2008 г. [16, с. 20], коренной перелом наступил после начала украинского кризиса 2014 г. Если в Концепциях внешней политики РФ 2008 и 2013 гг. отмечалась важная роль НАТО, основанная на «стратегической общности целей <...> по поддержанию мира и стабильности»³³, то в Концепции 2016 г. говорилось уже «о геополитической экспансии (НАТО и ЕС)»³⁴. Данные обстоятельства приобретают особую значимость на фоне «роста геополитической

нестабильности и конфликтности» в 2022 г.³⁵

Российские опасения в отношении безопасности в Арктике опираются на вполне конкретные действия НАТО, которая стремится увеличить своё военное присутствие в регионе [17, с. 98]. Так, с 2000 г. НАТО не только перестала проводить политику разоружения в Арктике, но и, наоборот, активно способствовала милитаризации региона [9, с. 33] за счёт проведения многочисленных учений [18, с. 80], укрепления военного присутствия США в Норвегии и, в перспективе, в других странах Скандинавии, принятия в свои ряды Швеции и Финляндии. Очевидными вызовами для безопасности РФ также являются смена военной и внешнеполитической парадигм в Норвегии, укрепление её роли в альянсе как «форпоста НАТО в Арктике» [19, с. 3], разведывательные рейды кораблей ВМС Норвегии у российских берегов, возможность потери Шпицбергом «демилитаризованного статуса».

Пока Норвегия следовала политике балансирования и присутствие НАТО на её территории было существенно меньше, чем во время «холодной войны», Россия исходила главным образом из дипломатического подхода к безопасности в Арктике. Проводились встречи на высшем и высоком уровне, проблема обсуждалась в рамках СБ ООН, на Мюнхенских конференциях по безопасности, региональных

³⁰ Концепция внешней политики РФ: утверждена Президентом РФ 30.11.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 12.09.2023).

³¹ Военная стратегия РФ: утверждена Президентом РФ 25.12.2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 28.09.2023).

³² Основы государственной политики РФ в Арктике до 2035 г.: утверждены Президентом РФ 15.03.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/b8403eec129c47c550470cd83e51e66e754e1f6f/ (дата обращения: 18.09.2023).

³³ Концепция внешней политики РФ: утверждена Президентом РФ 12.02.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/flcaf06623c801607dc6984a94332042ad122fa3/ (дата обращения: 25.09.2023).

³⁴ Концепция внешней политики РФ: утверждена Президентом РФ 30.11.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 12.09.2023).

³⁵ Стратегия национальной безопасности РФ: утверждена Президентом РФ 02.07.2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290?marker=65201M> (дата обращения: 31.08.2023).

платформах. Однако в ответ на переориентацию в норвежском планировании и действия НАТО по милитаризации Арктики Россия приняла меры, направленные на усиление своего присутствия в регионе [17, с. 99] и организацию контроля над военной обстановкой в условиях существования угрозы военной безопасности [20, с. 44]. Была осуществлена комплексная модернизация Северного флота (СФ), рассматриваемая российским руководством как задача особой важности и закреплённая в качестве основы национальной морской политики в Арктике³⁶. Так, формирования СФ получают комплексы С-400 и «Панцирь-С», дальнобойные зенитные ракеты 40Н6. Особое внимание уделяется стратегическому компоненту [21, с. 24]: в строй вводятся подводные лодки проекта «Борей», оснащённые МБР Р-30 «Булава», подводные лодки проекта «Ясень» со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами «Оникс». Таким образом, в настоящий момент на кораблях СФ размещено 2/3 ядерного потенциала ВМФ РФ³⁷.

Взросший потенциал формирования СФ демонстрируют в ходе регулярно проводимых учений в российской Арктике, основная цель которых — вынудить силы НАТО сохранять дистанцию от российских средств обороны и сдерживать присутствие Альянса в регионе. При этом, в связи с ростом геополитической напряжённости частота учений возросла. К примеру, в августе 2022 г. проводились крупные учения в Баренцевом море по решению кризисных ситуаций в Арктике.

Наращивание военного потенциала СФ, особенно учитывая его ядерный компонент, вызывает опасения у стран Скандинавии, в том числе и Норвегии. Однако рост активности в королевстве сил НАТО и США, следуя логике дилеммы безопасности, заставляет Россию усиливать своё присутствие в Арктике. Стоит отметить, что проводившаяся до 2014 г. модернизация СФ не вызывала резкого неприятия со стороны западных стран [6, с. 45]. Даже в 2019 г. некоторые западные эксперты отмечали, что, наращивая группировки войск на севере, Россия преследует исключительно оборонительные цели.³⁸ Таким образом, восприятие угрозы со стороны России в первую очередь связано с фактором НАТО в норвежской политике безопасности.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И НОРВЕГИИ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

Эволюция норвежского подхода к безопасности при усилении роли Арктики в российской политике отразилась на взаимодействии России и Норвегии в военной сфере. В период до 2014 г. Норвегия находила возможность вести диалог с Россией по военным вопросам, а взаимная заинтересованность двух стран достигала невиданных масштабов [22, с. 82]. Большое значение имели встречи министров обороны, показывавших стремление обеих стран развивать взаимовыгодное сотрудничество. В 2003 г. в Россию совершил визит норвежский министр обороны Кристин Крон Деволд, а в 2006 г.

³⁶ Морская доктрина РФ: утверждена Президентом РФ 26.07.2015. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 04.09.2023).

³⁷ Russia's Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a 'Low Tension' Environment // Аналитический доклад Chatham House: The Royal Institute of International Affairs. 28.06.2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/2019/06/russias-military-posture-arctic> (дата обращения: 18.09.2023).

³⁸ Russia's Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a 'Low Tension' Environment // Аналитический доклад Chatham House: The Royal Institute of International Affairs. 28.06.2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/2019/06/russias-military-posture-arctic> (дата обращения: 18.09.2023).

Норвегию посетил министр обороны РФ С.Б. Иванов. Наиболее важной была встреча С.К. Шойгу с его норвежской коллегой в 2013 г., в ходе которой обсуждались отношения России с НАТО, рост значения вопросов безопасности в северных регионах, совместные учения ВС. По итогам переговоров норвежский министр заявила о важности активного военного сотрудничества с Россией для будущего Норвегии.³⁹ Другим каналом стал регулярный диалог на уровне начальников генеральных штабов ВС России и Норвегии, командующих формированиями береговой охраны, начальника объединённого командования ВС Норвегии и командующего Западным военным округом РФ, на которых обсуждались текущие вопросы военного сотрудничества. Однако важнейшим направлением взаимодействия стало проведение до 2014 г. совместных военных и поисково-спасательных учений:⁴⁰ «Помор», «Баренц», «Северный орёл», в которых принимали участие ВМС Норвегии и США, ВМФ России.

Стремительное ухудшение отношений России с НАТО после 2014 г. и присоединение Норвегии к масштабным экономическим санкциям привели к заморозке всех программ военного сотрудничества. В дальнейшем Норвегия напрямую уязвляла возможность возобновления военного сотрудничества с российскими действиями на Украине и отношениями России с НАТО. В условиях прекращения диалога через представителей военных ведомств вопросы безопасности могли обсуждаться только на встречах на высшем

или высоком уровне. Однако, учитывая, что после 2014 г. главы государств не встречались целых 5 лет, ключевую роль приобрели переговоры министров иностранных дел, на которых сближающей темой стала память о Второй мировой войне. Так, первый визит С.В. Лаврова после начала украинского кризиса был приурочен к годовщине освобождения Финнмарка силами Красной Армии. Однако по риторике Эрны Сульберг, достаточно жесткой в отношении событий на Украине, можно было судить о продолжении поддержки Норвегией усиления НАТО в регионе.

В апреле 2019 г. в ходе форума «Арктика-территория диалога» состоялась встреча между В.В. Путиным и Эрной Сульберг, в ходе которой были затронуты двусторонние отношения в военно-политической области. Однако несмотря на слова норвежского премьера о «добрососедстве» между Россией и Норвегией, премьер-министр не высказала готовности идти на компромиссы в отношении действий НАТО вблизи российских границ.

В том же году состоялся визит С.В. Лаврова, приуроченный к 75-й годовщине освобождения Финнмарка силами Красной Армии. Как и в 2014 г., какого-то коренного изменения в норвежском подходе к России не произошло, хотя и наметились некоторые позитивные сдвиги. По итогам встречи С.В. Лавров выразил озабоченность в связи с усилением военного присутствия США и Великобритании на территории Норвегии.⁴¹

Ещё большие надежды на восстановление доверительного диалога принес

³⁹ Министр обороны Норвегии с визитом в России. URL: http://www.norge.ru/norges_forsvarsminister_til_moskva/ (дата обращения: 18.10.2022).

⁴⁰ Военное сотрудничество России и Норвегии. 27.06.2013. URL: <https://www.nato.int/nrc-website/ru/articles/20130627-nrc-pomor-briefing/index.html> (дата обращения: 21.09.2023).

⁴¹ Лавров С.В. Отношения России и Норвегии: общее прошлое и прагматичное будущее. 25.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/otnosheniya-rossii-i-norvegii-obshchee-proshloe-i-pragmaticnoe-budushchee/> (дата обращения: 29.09.2023).

визит С.В. Лаврова в Норвегию в 2021 г., когда ему удалось провести переговоры со своей норвежской коллегой Анникен Хюитфельдт. Российский министр предложил возобновить прерванный после 2014 г. диалог между министрами обороны и заявил о необходимости строить общую безопасность вне блоковых различий или идеологических предпочтений.⁴² Казалось, что и глава норвежского МИДа также стремится идти на компромиссы, заявив о готовности снизить военное присутствие НАТО близ российских границ.

В связи с обострением кризиса европейской безопасности в феврале 2022 г. Норвегия осудила российские действия на Украине и как член НАТО стала направлять военную помощь ВСУ. От Норвегии Украина уже получила системы залпового огня, ракетные комплексы, гранатомёты и артиллерийские установки. К концу 2022 г. Норвегия обещала выделить Украине 1 млрд евро.⁴³ Королевство присоединилось к масштабным политическим и экономическим санкциям ЕС и НАТО против России, дав понять, что не считает возможным продолжать переговоры по налаживанию сотрудничества в военной сфере, как минимум, пока продолжаются боевые действия на территории Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вопросы безопасности всегда представляли особую значимость в российско-норвежских отношениях, определяя подход обеих стран к двустороннему сотрудничеству. Если до 2014 г. Россия и Норвегия достаточно активно развивали военно-политическое взаимодействие, то после начала украинского кризиса в 2014 г. по мере роста напряжённости между Россией и НАТО основные программы сотрудничества были заморожены. При этом, нечасто проходившие обсуждения вопросов безопасности на встречах глав государств и министров иностранных дел не смогли изменить сложившуюся обстановку, которая ещё больше осложнилась в 2022 г. в связи с кризисом глобальной безопасности. Глубинная причина кроется в различных подходах России и Норвегии к обеспечению безопасности в Арктике. До тех пор, пока Норвегия полностью полагается на НАТО в решении военно-политических вопросов, наладить прагматику в двусторонних отношениях не удастся. Зависимость норвежской внешней политики от общего курса коллективного запада приводит к большому влиянию мировой конъюнктуры на российско-норвежский военно-политический диалог.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Walt Stephen M. The origins of alliances. Cornell University Press; 1990. 321 p.
 2. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. Москва: Аспект Пресс; 2018. 296 с.
 3. Deni J.R. Is NATO's Enhanced Forward Presence Fit for Purpose? *Orbis*. 2019;63(1):92-103. DOI: 10.1016/j.orbis.2018.12.008/issn 0030-4387
 4. Гурлев И.В. Проблемы обеспечения национальной безопасности России в Арктике. *Вестник евразийской науки*. 2020;12;3:1-13.
 5. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017;2(347):353-363.
- ⁴² Волков К. Лавров предложил начать диалог военных ведомств РФ и Норвегии на высоком уровне. 25.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/25/lavrov-predlozhit-nachat-dialog-voennyh-vedomstv-rf-i-norvegii-na-vysokom-urovne.html> (дата обращения: 19.09.2023).
- ⁴³ Норвегия выделит Украине €1 млрд к концу года. 01.07.2021. URL: <https://iz.ru/1358419/2022-07-01/norvegiia-vydelit-ukraine-eu1-mlrd-k-kontcu-goda> (дата обращения: 09.11.2023).

6. Загорский А.В. *Безопасность в Арктике*. Москва: ИМЭМО РАН; 2019.114 с.
7. Журавель В.П. Новые угрозы национальной безопасности России в Арктике: проблемы противодействия. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020;226;6:85-98. DOI 10.38197/2072-2060-2020-226-6-85-98
8. Манойло А.В., Пономарева Е.Г., Трунов Ф.О. Перспективные модели строительства вооруженных сил стран-членов НАТО (на примере Германии и Норвегии). *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021;1:67-81. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.7
9. Голдин В.И. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX начале XXI века: вехи истории и современность. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011;2:22-34.
10. Кучинская М. Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России. *Проблемы национальной стратегии*. 2020;1(58):68-89.
11. Хейер Т. Норвегия между США и Россией / Т. Хейер. Пер. с норв. А. С. Евсеевой, предисловие В. Ю. Крашенинниковой. Москва: Кучково поле; 2020. 272 с.
12. Сидняев Н. И. Риски, вызовы и угрозы в сфере безопасности России в Арктике. *Морской сборник*. 2021;5(2090):46-50.
13. Жильцов С. С., Зонн И.С. Политика России в Арктике: современный этап. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2015;2:7-22.
14. Александров О.Б. Российский подход к освоению Арктики: история и геополитика. *Россия XXI*. 2017;4:34-53.
15. Аржанов И. А. Усиление присутствия НАТО в Арктике и нарастающее соперничество с Россией. *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2021;12;3(32):6-14.
16. Трунов Ф.О. Роль Норвегии в военном планировании НАТО на современном этапе. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2020;56(72):20-23.
17. Иванов Г.В. Национальная безопасность России в Арктике: проблемы и решения. *Вестник МГТУ*. 2015;3:95-99.
18. Журавель В.П. НАТО в Арктике: угроза национальной безопасности России (2010–2020 гг.). *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020;3-2:9-85.
19. Журавель В.П. Вызовы и угрозы военной безопасности в Арктике. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;2:1-8.
20. Неелов А.К вопросу о защите интересов России в Арктике. *Морской сборник*. 2016;8(2033):44-48.
21. Бей Е.В. Обеспечение военной безопасности России в Арктике: история вопроса. *Военная мысль*. 2020;12:14-25.
22. Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? *The Polar Journal*. 2021;11(1):75-94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043

REFERENCES:

1. Walt Stephen M. The origins of alliances. Cornell University Press; 1990. 321 p.
2. Istomin I. A. Logic of state behavior in international politics. Moscow: Aspect Press; 2018. 296 p.
3. Deni J.R. Is NATO's Enhanced Forward Presence Fit for Purpose? *Orbis*. 2019;63(1): 92-103. DOI: 10.1016/j.orbis.2018.12.008/issn 0030-4387
4. Gurlev I.V. Problems of ensuring national security of Russia in the Arctic. *Bulletin of Eurasian Science*. 2020;12;3:1-13. (In Russ.)
5. Konyshv V.N., Sergunin A.A. Modern military strategy of Norway in the Arctic and Russian security. *National interests: priorities and security*. 2017;2(347):353-363. (In Russ.)
6. Zagorsky A.V. *Safety in the Arctic*. Moscow: IMEMO RAS; 2019.114 p. (In Russ.)
7. Zhuravel V.P. New threats to Russia's national security in the Arctic: problems of counteraction. *Scientific works of the Russian Free Economic Society*. 2020;226;6:85-98. DOI 10.38197/2072-2060-2020-226-6-85-98. (In Russ.)
8. Manoilo A.V., Ponomareva E.G., Trunov F.O. Prospective models for building the armed forces of NATO member countries (using the

- example of Germany and Norway). *Bulletin of VolSU. Series 4, History. Regional studies. International relationships*. 2021;1:67-81. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.7 (In Russ.)
9. Goldin V.I. The Arctic in international relations and geopolitics in the 20th and early 21st centuries: historical milestones and modernity. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*. 2011;2:22-34. (In Russ.)
 10. Kuchinskaya M. E. The Arctic in the focus of the USA's and NATO's attention and Russian security interests. *Problems of national strategy*. 2020;1(58):68-89. (In Russ.)
 11. Heyer T. Norway between the USA and Russia / T. Heyer. Translation from norwegian by A. S. Evseeva, foreword by V. Yu. Krashenninnikova. Moscow: Kuchkovo Pole; 2020. 272 p. (In Russ.)
 12. Sidnyaev N.I. Risks, challenges and threats in the sphere of Russian security in the Arctic. *Marine bulletin*. 2021;5(2090):46-50. (In Russ.)
 13. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Russian policy in the Arctic: the current stage. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Political science*. 2015;2:7-22. (In Russ.)
 14. Aleksandrov O.B. Russian approach to the development of the Arctic: history and geopolitics. *Russia XXI*. 2017;4:34-53. (In Russ.)
 15. Arzhanov I. A. Strengthening the presence of NATO in the Arctic and growing rivalry with Russia. *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2021;12;3(32):6-14. (In Russ.)
 16. Trunov F.O. The role of Norway in NATO military planning at the present stage. *European security: events, assessments, forecasts*. 2020;56(72):20-23. (In Russ.)
 17. Ivanov G.V. Russian national security in the Arctic: problems and solutions. *Bulletin of MSTU*. 2015;3:95-99. (In Russ.)
 18. Zhuravel V.P. NATO in the Arctic: a threat to Russia's national security (2010–2020). *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. 2020;3-2:9-85. (In Russ.)
 19. Zhuravel V.P. Challenges and threats to military security in the Arctic. *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS*. 2018;2:1-8. (In Russ.)
 20. Neelov A. On the issue of protecting Russia's interests in the Arctic // *Marine bulletin*. 2016;8(2033):44-48. (In Russ.)
 21. Bey E.V. Ensuring Russia's military security in the Arctic: history of the issue. *Military thought*. 2020;12:14-25. (In Russ.)
 22. Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? *The Polar Journal*. 2021;11(1):75-94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Никита А. Флегонтов, Научно-исследовательский клуб «Арктика» при Международном институте энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России, Москва, Россия; 119261, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 79.
flegontov.n@mail.ru

Nikita A. Flegontov, The scientific club «Arctic» of the International institute of energy policy and diplomacy, MGIMO-University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskogo avenue, Moscow, 119454, Russia;
flegontov.n@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Влияние глобальных климатических изменений на условия жизни малочисленных коренных народов Российской Арктики

Анастасия Д. Горлова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
my.medicine330@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы коренных малочисленных народов Российской Арктики в контексте глобального потепления. К основным существующим угрозам относятся как вопросы продовольственного и инфраструктурного характера, так и проблемы хозяйственной деятельности и здравоохранения. На фоне глобального потепления, связанного с повышением среднегодовой температуры, возникает высокая вероятность того, что вышеперечисленные проблемы будут только усиливаться и существенно затронут все системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Российской Арктики. Особое внимание уделяется уже существующим государственным и частным инициативам, а также предполагаемым методам приспособления и смягчения последствий глобального потепления для коренных народов, включая поддержку традиционных знаний и практик, устойчивое использование природных ресурсов и улучшение инфраструктуры.

Ключевые слова: глобальное потепление, климатические изменения, коренные народы Севера, Арктика, Россия, окружающая среда, культура, традиции

Для цитирования: Горлова А.Д. Влияние глобальных климатических изменений на условия жизни малочисленных коренных народов Российской Арктики. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):212–221. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-212-221>

Поступила 17.05.2024

Принята в печать 10.06.2024

Опубликована 30.09.2024

Impact of global climate change on the living conditions of small indigenous peoples of the Russian Arctic

Anastasia D. Gorlova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,
my.medicine330@gmail.com

Abstract: the article studies the current problems of the indigenous peoples of the Russian Arctic in the context of global warming. The main existing threats include both food and infrastructure issues, as well as problems of economic activity and health care. Against the background of global warming associated with an increase in the average annual temperature, there is a high probability that the above problems will only intensify and significantly affect all life support systems of the indigenous peoples of the Russian Arctic. Special attention is given to existing public and private initiatives, as well as proposed methods of adaptation and mitigation of the effects of global warming on indigenous peoples, including support for traditional knowledge and practices, sustainable use of natural resources and infrastructure improvements.

Keywords: global warming, climate change, indigenous peoples of the North, Arctic, Russia, environment, culture, traditions

For citation: Gorlova A.D. Impact of global climate change on the living conditions of small indigenous peoples of the Russian Arctic. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):212–221. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-212-221>

Received 17.05.2024

Revised 10.06.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

Одной из острых проблем Российской Арктической зоны является влияние глобального потепления на условия жизни северных малочисленных коренных народов. На территории российской Арктики проживает около 40 малых народов Севера, такие как саамы, ненцы, чукчи, кеты и другие.¹ Сохранение их традиционного образа жизни, культуры, языков является одной из важнейших задач для России, так как северные территории являются местом исконного обитания русского этноса.

Для Арктики глобальное потепление является наиболее серьезным вопросом, так температура в регионе растет в 4 раза быстрее по сравнению с среднегодовым мировым показателем, что вызывает повышенное таяние арктических льдов [1]. За последние

50 лет количество летнего льда в регионе уменьшилось примерно на 2,7 млн км², а площади зимнего льда сократились примерно на 700 тыс. км². В 2023 году показатель потери льда за летний сезон составил 1,6 млн км².² Дальнейшее таяние арктических льдов приведет к серьезным изменениям в циркуляции течений и необратимым глобальным изменениям климата.

Это очень тревожный сигнал для коренных народов, поскольку перемена климата затронет все их системы жизнеобеспечения в первую очередь. Сокращение площади арктического льда не только влияет на климат всей планеты, но и оказывает серьезное воздействие на местные экосистемы и жизнь коренных народов, выживание которых зависит от этих территорий.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/194908/> (дата обращения: 18.04.2024)

² Количество льда в Арктике и Антарктике остается рекордно низким. URL: <https://www.aari.ru/press-center/news/novosti-aari/kolichestvo-lda-v-arktike-i-antarktike-ostaetsya-rekordno-nizkim> (дата обращения: 18.04.2024).

С одной стороны, уменьшение ледяного покрова должно упростить судоходство, добычу минеральных ресурсов и туризм, с другой — угрожает утратой уникальной природной среды, а также экологическими, экономическими и социальными негативными последствиями в Арктическом регионе и за его пределами.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Глобальное потепление представляет собой угрозу для коренного населения, поскольку арктическая флора и фауна существенно модифицируется: происходит перераспределение соотношения биологических видов и изменение миграции животных, которые являются основным источником пищи и материалов для коренных народов Севера.

При глобальном потеплении увеличивается период бесснежного сезона, что повышает урожайность некоторых видов растений и доступность кормовой базы для оленей в летний период. Так, на фоне климатических изменений в Ямало-Ненецком автономном округе было зафиксировано увеличение поголовья оленей [2]. В то же время, теплая зима с сильными перепадами температуры и ледяными дождями приводит к тому, что пастбища с лишайником покрываются льдом и олени погибают от голода³; более жаркое лето же способствует риску распространения различных нехарактерных для региона эпидемий среди животных.⁴

Это может привести к исчезновению определенных биологических видов и разрушению экосистем, что отрицательно отразится на жизни коренных народов, так как это подвергает риску не только их продовольственную безопасность, но и традиционный уклад жизни. Промыслы общин коренных народов — не просто хозяйственная деятельность, они составляют основу их жизни, которая продолжает существовать исключительно благодаря культурной преемственности. Поэтому сохранение традиционных форм хозяйствования коренных народов Севера — охоты, рыболовства и скотоводства, — является первостепенным вопросом в условиях глобального потепления.

Проблема разрушения арктической биоты тесно связана с угрозой здоровью самих арктических коренных жителей. Ввиду таяния вечная мерзлота, ранее позволяющая сохранять свежесть продуктов продолжительное время, сейчас уже не так надежна для создания «естественных холодильников» — мерзлотников. По этой причине доступ к местным продуктам снижается, а, соответственно, и их потребление. Потепление вместе с глобализацией благоприятствуют процессу замещения традиционной пищи импортными продуктами питания. Переход к западному рациону питания приводит к нарушению обмена веществ, дефициту необходимых питательных веществ (например, витамина D и йода), что проявляется в повышении процента больных ожирением, диабета, а также стоматологическим проблемам из-за большего содержания сахара⁵.

³ На Шпицбергене гибнут северные олени. URL: <https://ria.ru/20190727/1556940353.html> 27 июля 2019. (дата обращения: 18.04.2024).

⁴ Животному миру Арктики из-за глобального потепления угрожают новые инфекции. 1 густа 2018. URL: <https://tass.ru/v-strane/5420283> (дата обращения: 18.04.2024).

⁵ AMAP, 2021. Human Health in the Arctic 2021. Summary for Policy-makers. Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP), Tromsø, Norway. URL: <https://www.amap.no/documents/doc/human-health-in-the-arctic-2021.-summary-for-policy-makers/3509> (дата обращения: 18.04.2024).

Изменение климата ведет к дефициту питьевой воды. Во многих деревнях нет систем очистки, и населенные пункты не подключены к единой энергетической системе; помимо того, существуют кочевые общины. Люди сталкиваются с необходимостью использовать воду из рек и озер. В силу климатических изменений качество речной воды ухудшается с каждым годом. Периоды засухи и жары приводят к снижению концентрации кислорода и роста солености в реках [3]. Если же вблизи населенного пункта нет реки или доступ к ней затруднен, жители вынуждены растапливать лед или снег. Ускоренное таяние льдов быстрее сокращает доступ к питьевой воде в летнее время. Вода в замороженном состоянии практически не содержит солей, полезных минералов и микроэлементов, что делает ее менее полезной для человека. Еще менее благоприятно на здоровье коренных народов сказывается загрязнение водных источников остатками нефтепродуктов и химикатов, выбрасываемыми промышленными предприятиями. При исследовании проб пресной воды из арктических рек были обнаружены хром, медь, свинец и прочие элементы, попадание которых в организм вызывает серьезные осложнения: отравления, заболевания печени, почек и кожи [4].

Растущий уровень ультрафиолетовых лучей, вызванный истощением озонового слоя в Арктике, также представляет собой реальную угрозу: УФ-излучение является основной причиной образования меланомы и ряда других онкологических заболеваний. Более того, ультрафиолетовые лучи могут вызывать преждевременное старение кожи, снижение иммунитета

и глазные болезни — ухудшение зрения, ожог роговицы и катаракту [5]. Благодаря климатическим изменениям широкое распространение получают и инфекционные болезни, которые ранее не были характерны для Арктических регионов, такие как гепатит и зоонозные инфекции — малярия, энцефалит и иные [6]. Отсутствие «цивилизационного» иммунитета и ограниченный доступ к медицинской помощи обостряют уязвимость коренных народов Севера перед подобными болезнями.

Глобальное потепление приводит к увеличению частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений: штормов, наводнений и торфяных и лесных пожаров. Особенно опасны т.н. «зомби-пожары», чье тление под снегом длится всю зиму, а весной вспыхивает с новой силой [7]. Подобные пожары могут длиться месяцами и даже годами, что, во-первых, выливается в деградацию ценных земель, сокращение биологических видов и угрозу безопасности народов; во-вторых, способствует дальнейшему потеплению.

Штормы, подъем уровня моря, эрозия береговых линий, вызванная таянием вечной мерзлоты, и термоабразия обуславливают обрушивание почвы и разрушение инфраструктуры — домов, дорог, мостов, водопроводных и электрических сетей [8]. При этом в одних районах берега разрушаются в среднем на 2–3 метра в год, в то время как, например, на востоке Якутии годовая скорость разрушения достигает уже 10 метров⁶.

Коренные народы Арктики находятся в тесном взаимодействии с окружающей средой, и их безопасность во многом зависит от умения действовать на суше и море. Распределение льда, его качество,

⁶ Михайлов А. Глобальное потепление наступает на арктическое побережье России. 19 ноября 2021. URL: <https://rg.ru/2021/11/19/globalnoe-poteplenie-nastupaet-na-arkticheskoe-poberezhie-rossii.html> (дата обращения: 18.04.2024).

толщина и сроки образования на поверхности океана, озер и рек определяют безопасность значительной части аспектов жизни на арктических побережьях — плавания на лодках, китобойного промысла и рыболовства, а также охоты на тюленей. Травматизация из-за истончения льда является частой причиной смертности среди представителей коренных малочисленных народов Севера¹, и изменение ледяных покровов и погоды могут привести к росту несчастных случаев [9].

Потеря земельных участков вынуждает либо перемещать здания и остальную инфраструктуру, либо переселять общины в более безопасные места, что, в свою очередь, нарушает привычный ход жизни коренных народов. Вместе с тем традиционные жилища коренных народов, такие как ненецкие чумы или чукотские юрты, не рассчитаны на то, чтобы выдерживать новые аномальные погодные явления и резкие перепады температуры, что ставит под угрозу безопасность и здоровье коренных народов, ведущих традиционный кочевой образ жизни.

Таяние жизненно важных для коренных народов рек и озер — серьезная проблема Арктики: так, в одних водных ресурсах из-за смены гидрологического режима заниматься рыболовством можно только в определенные сезоны, другие вообще становятся непригодными для использования [10]. По этой же причине меняется ландшафт Арктического региона, и общинам приходится трансформировать оленеводческие маршруты — это приводит к уменьшению периода подвоза оленины в населенные пункты [10].

При этом существуют последствия глобального потепления, которые могут рассматриваться как положительные: в частности, упрощение судоходства по Северному морскому пути, что благоприятно

скажется на транспортной доступности, и облегчение добычи полезных ископаемых, которое даст коренным жителям дополнительный источник дохода и повысит экономический потенциал региона.

У вышеперечисленных возможностей имеются и отрицательные аспекты. Улучшение транспортного сообщения в Северном Ледовитом океане и возможность круглогодичной навигации создадут дополнительную антропогенную нагрузку на жителей и экосистемы Арктики. Содействие добыче углеводородов и других полезных ископаемых может привести к необратимому исчезновению некоторых видов животных, истощению рыбных запасов и загрязнению водных и земельных ресурсов. Существенный экологический ущерб пагубно скажется на ведении традиционного образа жизни коренными народами, выживание которых в значительной степени определяется состоянием окружающей среды. Кроме того, активная разработка месторождений полезных ископаемых чревата притоком рабочей силы и миграцией, что может привести к изменению демографической и социально-культурной среды коренных народов и негативно сказаться на сохранении традиционного образа жизни.

Сочетание всех вышеперечисленных проблем ведет к угрозе физического существования коренных малочисленных народов Арктики. Не имеющим возможности вести хозяйство традиционными методами, беззащитные перед целым рядом инфекционных заболеваний, вынужденным переселяться на новые территории коренным народам наносится непоправимый ущерб, так как их традиционная, экономическая и социальная практика основана на определенных природно-климатических условиях и земле, с которой они были перемещены. Как показывают

опросы представителей коренных народов, многие из них отказываются покинуть свои населенные пункты, даже если в новых регионах им будут предоставлены лучшие условия жизни [11]. Переселение нередко несет с собой ослабление общественных институтов, распад социальных сетей и расселение общин и родственных групп. Лишившись всего этого, малочисленные народы теряют свою этническую самобытность, свои традиции, языки и культуру, что грозит утратой уникального культурно-исторического наследия.

МЕРЫ ПО АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА

Для государства защита прав коренных народов Севера является приоритетным направлением политики. Правовые основы гарантий особого статуса коренных народов установлены в статьях 65, 69 и 72 главы 3 Конституции Российской Федерации, ряд Федеральных законов (ФЗ от 30 апреля 1999 г. N 82—ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», ФЗ от 20 июля 2000 г. N 104—ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и другие), а также Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2035 года. Правительство России активно работает над созданием

условий для сохранения и развития культуры, языка, традиций и образа жизни коренных народов. Важным шагом в этом направлении является реализация программы господдержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Арктики.⁷ Программа включает 6 направлений и направлена на создание конкурентоспособной среды, популяризацию предпринимательства среди представителей коренных народов, а также улучшения их благосостояния. Российское государство признает важность сохранения культурного наследия коренных народов и учитывает их интересы в стратегиях развития регионов проживания. Только с соблюдением и защитой прав коренных народов можно обеспечить устойчивое и гармоничное развитие страны в целом.

Коренные народы Севера уже сейчас предпринимают меры к адаптации к современным климатическим условиям. Коренные жители помогают ученым и исследователям в мониторинге состояния окружающей среды и сборе данных о современных климатических процессах, что упрощает получение информации о нетипичных природных явлениях⁸. Кроме того, они создают собственные объединения и активно участвуют в международных форумах и конференциях, где выступают с предложениями более эффективной борьбы с изменением климата⁹.

Российская наука и бизнес-предприятия, расположенные в северных широтах, прикладывают общие усилия по нормализации

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. № 978-р. «Об утверждении программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, осуществляемой в Арктической зоне РФ».

⁸ Коренные народы Ямала помогут ученым исследовать климат и качество жизни в Арктике. 13 июля 2023. URL: <https://tass.ru/arktika-segodnya/18264263> (дата обращения: 18.04.2024).

⁹ Дуркина Е. В Нарьян-Маре состоялся Форум коренных малочисленных народов Севера НАО. 6 апреля 2022. URL: <https://nao24.ru/obshestvo/32168-v-narjan-mare-sostojsja-forum-korenyh-malochislennyh-narodov-severa-nao.html> (дата обращения: 18.04.2024).

и стабилизации экологической ситуации в Арктике. Так Сибирское отделение РАН совместно с компанией «Норникель» разработало уникальную экологическую технологию, суть которой состоит в восстановлении биоразнообразия обедненных арктических озер с помощью птичьего помета¹⁰. Планируется, что эта экотехнология улучшит условия обитания рыб, растений и водорослей, что, в свою очередь, позволит восстановить поголовье некоторых пород рыб (например, лососевых), а также расширить список водоемов, доступных для рыболовства коренным народам Севера. Кроме того, «Норникель» разработал Серную программу¹¹. Проект направлен на уменьшение выбросов диоксида серы, что значительно снизит неблагоприятное воздействие производства на природу и здоровье людей, а также повысит экологическую безопасность регионов, где расположены объекты компании.

Однако сокращение выбросов продолжает оставаться главным вопросом деятельности промышленных компаний в области устойчивого управления природными ресурсами. Вопреки широко распространенному мнению о том, что изменение климата — это циклический процесс, происходящий независимо от деятельности человека, факт негативных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду подтверждается научными исследованиями [12].

Несмотря на все экоинициативы и заверения компании о снижении сокращения выбросов за последние 20 лет,

«Норникель» долгое время оставалась лидером по загрязнению окружающей среды в Арктике. В 2021 году выбросы загрязняющих веществ «Норникеля» составили 1934 тыс. тонн в год — это 37% от суммарных выбросов 30 арктических предприятий первой категории опасности.¹² В 2020 году Росприроднадзор провел внеплановую проверку, в ходе которой были установлены многочисленные нарушения в деятельности компании, в том числе, связанные отсутствием систем контроля утечек нефтепродуктов.¹³ «Норникель» производит высококачественный никель класса 1 — именно такой используется при изготовлении электромобилей. По этой причине в 2020 году объединение «Абориген-Форум», занимающееся защитой прав коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, опубликовало обращение к Илону Маску с просьбой не покупать продукцию предприятий «Норильского никеля», пока компания не выплатит компенсации коренным народам и не профинансирует рекультивацию, а также пока не будет проведена независимая экспертиза для оценки всего ущерба, нанесенного Таймыру и Мурманской области в результате деятельности компании¹⁴.

В связи с этим необходимо создать систему оценки влияния климатических изменений на хозяйственную деятельность и здоровье коренных малочисленных народов, разработать требования к промышленным компаниям, которые бы учитывали хрупкость арктических экосистем,

¹⁰ Сохраняя экосистемы. URL: <https://life.nornickel.ru/pyasino> (дата обращения: 18.04.2024).

¹¹ Серная программа. URL: <https://www.nornickel.ru/sustainability/projects/sulphur/> (дата обращения: 18.04.2024).

¹² Норникель и Газпром — основные загрязнители Арктики. URL: <https://bellona.ru/2023/10/09/nornikel-gazprom-zagryazniteli-arktiki/> (дата обращения: 18.04.2024).

¹³ Росприроднадзор выявил многочисленные нарушения в деятельности АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания». URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_vyavil_mnogochislennye_narusheniya_v_deyatelnosti_ao_norilsko_taymyrskaya_energetich/?sphrase_id=20813 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁴ Абориген Форум. Обращение к Илону Маску, руководителю компании Тесла. URL: <https://web.archive.org/web/20230129054433/https://indigenous-russia.com/archives/5788> (дата обращения: 18.04.2024).

и проводить регулярную независимую экспертизу по выполнению этих требований. Также необходимо усилить меры по рекультивации земель после добычи руды и создать условия для участия коренных народов в принятии решений, касающихся их территорий и ресурсов. Не менее важно уделять внимание обучению сотрудников компаний и поддержанию открытого диалога с общественностью и экологическими организациями для поиска совместных решений по устранению пагубного воздействия промышленности на окружающую среду и здоровье человека. Только совместными усилиями государства, компаний и общественности можно добиться сохранения целостности окружающей среды и благополучия жителей Арктики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальное потепление представляет серьезную угрозу для жизни и культуры коренных народов Севера. Климатические изменения оказывают негативное влияние на традиционные формы жизни коренных народов Севера, такие как охота, рыболовство и традиционное скотоводство. Увеличение температуры и изменение

погодных условий приводят к трансформации миграционных маршрутов животных и сокращению биоразнообразия рек и озер, что затрудняет ведение промысловых работ. Таяние ледников также разрушает почву и инфраструктуру, что напрямую угрожает безопасности коренных народов.

Для адаптации коренных народов к изменяющимся условиям необходимо разработать и реализовать специальные национальные программы и проекты по приспособлению к изменениям климата. Это может включать в себя обучение коренных народов новым навыкам и технологиям, например, создание альтернативных методов промысла и сельского хозяйства. Также необходимо улучшить доступ коренных народов к информации о климатических изменениях и предоставить им поддержку в разработке и реализации собственных стратегий адаптации. Без государственной поддержки жизнедеятельность коренных народов, проживающих в российской Арктике, становится уязвимой, поскольку дальнейшее устойчивое развитие общин напрямую зависит от своевременного решения актуальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Chylek P., Folland C. Annual mean Arctic Amplification 1970–2020: Observed and simulated by CMIP6 climate models. *Geophysical Research Letters*. 2022;49(13):8
2. Bogdanova E., Andronov S., Soromotin A., Detter G., Sizov O., Hossain K., Raheem D., Lobanov A. The Impact of Climate Change on the Food (In)security of the Siberian Indigenous Peoples in the Arctic: Environmental and Health Risks. *Sustainability*. 2021;13(2561):22. <https://doi.org/10.3390/su13052561>
3. Van Vliet M.T.H., Thorslund J., Stokral M. et al. Global river water quality under climate change and hydroclimatic extremes. *Nat Rev Earth Environ*. 2023;4:687–702. <https://doi.org/10.1038/s43017-023-00472-3>
4. Bogdanova E., Lobanov A., Andronov S.V., Soromotin A., Popov A., Skalny A.V., Shaduyko O., Callaghan T.V. Challenges of Changing Water Sources for Human Wellbeing in the Arctic Zone of Western Siberia. *Water*. 2023;15:1577. <https://doi.org/10.3390/w15081577>

5. Супрунов В.В., Жирнова И.Ф. Влияние ультрафиолетовых лучей на организм человека. Международный студенческий научный вестник. 2022;2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20951> (дата обращения: 18.04.2024).
6. Куличихина А.Л. Влияние пандемии коронавируса на коренное население Российской Арктики. *The Newman in Foreign Policy*. 2021;62:27
7. Scholten R.C., Jandt R., Miller E.A. et al. Overwintering fires in boreal forests. *Nature*. 2021;593:399–404
8. Волчанский В.В., Сулиманов А.С., Аллаяров Р. Последствия для экономики при изменении климата в Арктике. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019;39:370-373
9. Ревич Б.А. Климатические изменения как новый фактор риска для здоровья населения российского Севера. *Экология человека*. 2009;6:11-16
10. Andronov S., Lobanov A., Popov A., Luo Y., Shaduyko O., Fesyun A., Lobanova L., Bogdanova E., Kobel'kova I. Changing diets and traditional lifestyle of Siberian Arctic Indigenous Peoples and effects on health and well-being. *Ambio*. 2021;50(11):2061.
11. Gladun E., Ljovkina A., Detter G., Filant K. Justification of political decisions about indigenous communities' resettlement in the Russian Arctic. *Arctic in a space of knowledge*. 2022:50-60.
12. Арушанов М.Л. Причины изменения климата земли, как результат космического воздействия, развеивающее миф об антропогенном глобальном потеплении. *German International Journal of Modern Science*. 2023;53:4–14. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7795979>

REFERENCES:

1. Chylek P., Folland C. Annual mean Arctic Amplification 1970–2020: Observed and simulated by CMIP6 climate models. *Geophysical Research Letters*. 2022;49(13):8
2. Bogdanova E., Andronov S., Soromotin A., Detter G., Sizov O., Hossain K., Raheem D., Lobanov A. The Impact of Climate Change on the Food (In)security of the Siberian Indigenous Peoples in the Arctic: Environmental and Health Risks. *Sustainability*. 2021;13(2561):22. <https://doi.org/10.3390/su13052561>
3. Van Vliet M.T.H., Thorslund J., Strokal M. et al. Global river water quality under climate change and hydroclimatic extremes. *Nat Rev Earth Environ*. 2023;4:687–702. <https://doi.org/10.1038/s43017-023-00472-3>
4. Bogdanova E., Lobanov A., Andronov S.V., Soromotin A., Popov A., Skalny A.V., Shaduyko O., Callaghan T.V. Challenges of Changing Water Sources for Human Wellbeing in the Arctic Zone of Western Siberia. *Water*. 2023;15:1577. <https://doi.org/10.3390/w15081577>
5. Suprunov V.V., Zhirnova I.F. Influence of ultraviolet rays on the human body. *International student scientific bulletin*. 2022;2: STR ; URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20951> (date of reference: 18.04.2024). (In Russ.)
6. Kulichikhina A.L. Impact of the coronavirus pandemic on the indigenous population of the Russian Arctic. *The Newman in Foreign Policy*. 2021;62:27 (In Russ.)
7. Scholten R.C., Jandt R., Miller E.A. et al. Overwintering fires in boreal forests. *Nature*. 2021;593:399–404
8. Volchansky V.V., Sulimanov A.S., Allayarov R. Implications for the economy under climate change in the Arctic. *Skif. Issues of student science*. 2019;39:370-373 (In Russ.)
9. Revich B.A. Climatic changes as a new risk factor for the health of the population of the

- Russian North. *Human Ecology*. 2009;6:11-16 (In Russ.)
10. Andronov S., Lobanov A., Popov A., Luo Y., Shadyko O., Fesyun A., Lobanova L., Bogdanova E., Kobel'kova I. Changing diets and traditional lifestyle of Siberian Arctic Indigenous Peoples and effects on health and well-being. *Ambio*. 2021;50(11):2061.
 11. Gladun E., Ljovkina A., Detter G., Filant K. Justification of political decisions about indigenous communities' resettlement in the Russian Arctic. *Arctic in a space of knowledge*. 2022:50-60.
 12. Arushanov M.L. Causes of Earth's climate change as a result of cosmic influence, dispelling the myth of anthropogenic global warming. *German International Journal of Modern Science*. 2023;53:4-14. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7795979> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анастасия Д. Горлова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
my.medicine330@gmail.com

Anastasia D. Gorlova, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
my.medicine330@gmail.com

Влияние кризиса на Украине на отношения России и Африки

Анастасия Е. Виноградова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

makal1998@bk.ru

Аннотация: в последние годы мир стал свидетелем значительных геополитических сдвигов, при этом кризис на Украине стал ключевым событием, влияющим на глобальные отношения. Африка, как важный элемент «Глобального Юга», стала центральной ареной для конкуренции великих держав и геополитических маневров. После окончания холодной войны российско-африканские отношения пережили период падения, когда Россия ушла из Африки. Затем начался период медленного восстановления и быстрого развития, а после начала украинского кризиса в 2022 году отношения вступили в период «стратегической горизонтальности», когда на новый уровень вышли взаимодействие на высоком уровне между двумя сторонами, стало развиваться продовольственное, энергетическое и военное сотрудничество, укрепляться контакты в сфере безопасности. Новый этап российско-африканских отношений — результат сближения интересов России и Африки. Российско-африканское военное сотрудничество и взаимодействие в сфере безопасности теснит Запад в Африке, но Россия все еще находится в невыгодном положении с точки зрения экономического сотрудничества с регионом, из-за институционализации и противостояния «гибридной войне» с Западом. Дальнейшее развитие российско-африканских отношений может находиться на подъеме, поскольку обе стороны продолжают укреплять сотрудничество в различных областях. В статье рассматриваются эволюционные динамики отношений России и Африки, особенно в контексте продолжающегося кризиса на Украине, и анализируются стратегические, экономические и политические последствия для двух сторон.

Ключевые слова: Украинский кризис, российско-африканские отношения, Глобальный Юг, многополярный мир

Для цитирования: Виноградова А.Е. Влияние кризиса на Украине на отношения России и Африки. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):222-235. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-222-235>

Поступила 11.06.2024

Принята в печать 27.07.2024

Опубликована 30.09.2024

Impact of the crisis in Ukraine on Russia-Africa relations

Anastasia E. Vinogradova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

makal1998@bk.ru

Abstract: In recent years, the world has witnessed significant geopolitical shifts, with the crisis in Ukraine becoming a key event influencing global relations. Africa, as an important element of the “Global South,” has become a central arena for great power competition and geopolitical maneuvers. After the end of the Cold War, Russia-Africa relations experienced a low point when Russia withdrew from Africa, followed by a period of slow recovery and rapid development. Since the onset of the Ukraine crisis in 2022, these relations have entered a period of “strategic horizontality,” characterized by high-level interactions, food cooperation, military and security cooperation, and energy cooperation reaching new heights. The new phase of Russia-Africa relations is the result of increasing alignment of the needs and interests of both Russia and Africa. Russia-Africa military and security cooperation is challenging the Western presence in Africa, but Russia still faces disadvantages in economic cooperation, institutionalization, and countering “hybrid warfare” with the West. The further development of Russia-Africa relations is on the rise, with both sides continuing to strengthen cooperation in various fields. This article examines the evolutionary dynamics of Russia-Africa relations, especially in the context of the ongoing Ukraine crisis, and analyzes the strategic, economic, and political implications for both regions.

Keywords: Ukrainian crisis, Russian-African relations, Global South, multipolar world

For citation: Vinogradova A.E. Impact of the crisis in Ukraine on Russia-Africa relations. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):222–235. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-222-235>

Received 11.06.2024

Revised 27.07.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века африканские страны постепенно освобождаются от колониализма и стремятся к автономии и мирному развитию, особенно в политической, экономической, социальной сферах и в области безопасности. Благодаря своему огромному потенциалу развития и важному геополитическому положению Африка привлекает большое внимание международного сообщества. С точки зрения

политических ресурсов, Африка, насчитывающая 54 суверенных государств, является континентом с самым большим количеством стран в мире и занимает почти треть мест в Организации Объединенных Наций, играя таким образом значительную роль в международных делах. Что касается природных ресурсов, то Африка — второй по площади континент в мире, обладающий 30 процентами мировых запасов полезных

ископаемых, 10 процентами запасов нефти, 8 процентами запасов природного газа и почти 60 процентами неосвоенных сельскохозяйственных земель, что в значительной степени будет влиять на баланс мировой структуры ресурсов в будущем. С точки зрения человеческих ресурсов Африка — второй по численности населения континент в мире, и в последние годы его население продолжает расти. По данным Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), к 2050 году более половины мирового прироста населения будет сосредоточено в восьми странах, пять из которых находятся в Африке (включая Конго, Египет, Эфиопию, Нигерию и Танзанию), а население Африки достигнет 2,4 млрд человек¹. Очевидно, что участие африканских стран необходимо для формирования международного порядка и устойчивого развития мировой экономики. Однако из-за долгой истории угнетения Африки колониализмом и эксплуатации через работорговлю, а также из-за недавнего потепления климата, войн и конфликтов и крайней зависимости от внешних поставок большинство африканских стран все еще отстают в экономическом, политическом, социальном и культурном развитии и остро нуждаются в иностранной помощи.

В годы холодной войны Советский Союз оказывал Африке существенную помощь и поддерживал ее национально-освободительные движения. После распада Советского Союза политика России в отношении Африки эволюционировала от «из Африки» к «обратно в Африку» и заняла центральное место в национальной стратегии страны. Саммит Россия-Африка 2019 года рассматривается как знак возвращения России в Африку [1]. Прошло более двух лет после начала украинского

кризиса в феврале 2022 года, и его последствия ощущаются во всем мире, а африканским странам приходится не только делать политический и дипломатический выбор, но и справляться с многочисленными продовольственными, энергетическими и финансовыми кризисами, которые возникли в результате этого. На этом фоне Россия, стремясь расширить свое стратегическое жизненное пространство, укрепляет сотрудничество с африканскими странами в области торговли продовольствием, военной безопасности и гуманитарных наук. Цель данной статьи — обсудить взаимные потребности России и Африки в контексте текущего украинского кризиса, позицию африканских стран по украинскому кризису, влияние российско-африканского сотрудничества и перспективы его развития.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АФРИКИ

Отношения между Россией и Африкой прошли несколько этапов с конца «холодной войны». В период 1991–1996 годов произошел спад в российско-африканских отношениях. После распада Советского Союза в 1991 году Россия как государство-преемник продолжила отношения технической поддержки и экономической помощи, а также торговые соглашения с 37 африканскими странами. Однако резкие социальные изменения и неудачные экономические преобразования привели к тому, что Россия столкнулась с трудностями как внутри страны, так и за рубежом, и у нее оставалось мало ресурсов для того, чтобы сосредоточиться на отношениях с Африкой. В этот период Россия закрыла более 10 посольств и все культурные центры в африканских странах, российско-африканское гуманитарное сотрудничество

¹ United Nations Population Fund, State of World Population 2023, April 2023. <https://www.unfpa.org/sites/default/files/swop23/SWOP2023-ENGLISH-230329-web.pdf>. (дата обращения: 23.05.2024).

и многие экономические проекты были приостановлены, оставалось лишь несколько авиарейсов. Российское правительство также оказывать помощь Африке, а требование к африканским странам вернуть кредиты советской эпохи подорвали имидж России в Африке [2].

В 1996–2014 годах началось восстановление российско-африканских отношений. В последние годы правления Б.Н. Ельцина Россия начала корректировать свою политику в отношении Африки. В 1996 году, после назначения Е.М. Примакова на должность министра иностранных дел, была подчеркнута необходимость развития отношений со всеми странами мира и следования всестороннему подходу к дипломатии. Появилась более четкая картина российской внешней политики [3]. С этого времени отношения России с Африкой начали возрождаться. После визита президента Египта Мухаммеда Хосни Мубарака в Россию в 1997 году, Москву посетили африканские лидеры Намибии, Анголы и ЮАР, а объем российско-африканской торговли вырос. Однако в тот период Африка все еще не была стратегическим приоритетом для России

Лишь после прихода к власти президента В.В. Путина в 2000 году отношение к Африке меняется. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года говорится, что Россия будет способствовать скорейшему урегулированию военных конфликтов в Африке, развивать политические отношения с Организацией африканского единства (ОАЕ) и другими региональными организациями, развивать внешнюю политику России в этом регионе.²

В 2001 году лидеры Нигерии, Алжира, Эфиопии, Гвинеи и Габона посетили Россию и подписали Совместную декларацию о дружбе и партнерстве, направленную на укрепление взаимного сотрудничества в области военных технологий и торговли. В 2006 году Путин посетил ЮАР и Марокко с целью развития торгового сотрудничества, в 2009 году президент России Д.А. Медведев посетил четыре богатые энергоресурсами страны — Египет, Намибию, Нигерию и Анголу с целью дальнейшего расширения присутствия России в международном энергетическом секторе. В 2013 году В.В. Путин вновь посетил ЮАР и принял участие в пятой встрече лидеров стран БРИКС.

В 2014 году начался период бурного развития российско-африканских отношений. В этот период В.В. Путин совершил два визита в Египет (в 2015 и 2017 годах), а министр иностранных дел С.В. Лавров посетил пять африканских стран (март 2018 год). В 2018 году В.В. Путин в третий раз совершил визит в ЮАР. В октябре 2019 года в Сочи состоялся первый саммит Россия — Африка, в котором приняли участие представители 54 африканских стран из восьми крупнейших африканских региональных интеграционных организаций, по итогам которого было подписано 92 соглашения на общую сумму 1 трлн. рублей³. Кроме того, Россия списала 20 миллиардов долларов долга африканских стран. На саммите В.В. Путин подчеркнул, что «конечная цель российско-африканского сотрудничества — помочь африканцам решить существующие проблемы, сохранить суверенитет и независимость африканских стран, сделать ситуацию в мире более стабильной»⁴.

² Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. // URL: <https://www.ng.ru/world/2000-07-11/1-concept.html> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Участники форума Россия — Африка подписали документы на более чем 1 трлн рублей. 28.10.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7053928> (дата обращения: 23.04.2024).

⁴ Зачем Путин собрал всю Африку в Сочи. 23.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191023/1560080503.html> (дата обращения: 21.04.2024).

В 2022 году начался очередной этап: многоплановая модернизация российско-африканских отношений. Украинский кризис привел к долгосрочным и значительным изменениям в ландшафте геополитической безопасности Европы, оказал серьезное влияние на систему международной безопасности и придал новый импульс развитию российско-африканских отношений. На втором саммите Россия-Африка в июле 2023 года отношения России с африканскими странами приобрели более комплексный характер, перейдя от военно-безопасного и энергетического сотрудничества к многостороннему и двустороннему подходу. 18 января 2024 года министр иностранных дел России С.В. Лавров, подводя итоги работы дипломатии в 2023 году на ежегодной пресс-конференции МИДа, отметил, что «партнерство России со странами Африки вышло на новый уровень»⁵.

НОВЫЙ ЭТАП ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АФРИКИ

Новый этап развития российско-африканских отношений был обусловлен непосредственно началом и продолжением украинского кризиса, который привел к росту спроса на российско-африканские отношения.

В феврале 2022 года США и другие западные страны выступили с резким осуждением России и ввели санкции, одновременно оказав Украине значительную военную помощь. К маю 2024 года Европейский союз ввел 13 последовательных раундов санкций против России [4]. На этом фоне важным вопросом

для российской дипломатии стал прорыв санкционной блокады Запада и укрепление отношений с «незападным миром», включая Африку.

За два с лишним года, прошедших с начала кризиса на Украине, Генеральная Ассамблея ООН провела семь сессий по этому вопросу, на которых отношение африканских стран к России было неоднозначным: в среднем за осуждение России на семи сессиях проголосовали 37,8% африканских стран, против — 6,3%, воздержались — 41,2%. Примечательно, что 19 стран — Алжир, Бурунди, Центральноафриканская Республика, Конго-Браззавиль, Эфиопия, Гвинея, Мозамбик, Намибия, ЮАР, Судан, Уганда, Зимбабве, Буркина-Фасо, Камерун, Экваториальная Гвинея, Танзания, Эритрея, Мали, Свазиленд не проголосовали за антироссийскую резолюцию ни на одном из семи заседаний⁶. При голосовании в декабре 2023 года по вопросу «О ситуации с правами человека на временно оккупированных территориях Украины» антироссийскую резолюцию поддержали только три страны — Сейшельские острова, Сьерра-Леоне и Кабо-Верде. Общие результаты голосования в Генеральной Ассамблее свидетельствуют о том, что между позициями африканских стран по украинскому кризису и западных стран существует большой разрыв. Результаты голосования после второго саммита Россия-Африка стали более благоприятными для России. Так, президент ЮАР Сирил Рамафоса, выступая в парламенте сразу после начала украинского кризиса, прямо обвинил НАТО

⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2023 году. 18.01.2024 URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1926392/ (дата обращения: 13.03.2024).

⁶ Черненко Е. На правах большинства. 28.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6428076> (дата обращения: 18.02.2024).

в разжигании кризиса и заявил, что будет противостоять призывам осудить Россию⁷.

Многие африканские страны давно являются торговыми партнерами России и Украины, особенно в области продовольственной кооперации, и российско-украинское урегулирование было бы выгодно Африке. С другой стороны, африканские страны хотят выступить посредниками в конфликте между крупными державами, голосуя и выступая в ООН, чтобы создать свой собственный независимый имидж на международной арене и продемонстрировать свою решимость участвовать в глобальных делах.

Со своей стороны, Россия, уделяет больше внимания Африке, прежде всего, в своих официальных документах. В шестой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации (далее — Концепция), опубликованной в марте 2023 года⁸, Африка поднялась с десятого места в редакции 2016 года на шестое место в списке региональных приоритетов, опередив страны Европы и Америки. В Концепции 2023 года говорится, что Россия будет поддерживать африканские страны в их стремлении к более справедливому и многополярному миру, а также будет способствовать дальнейшему развитию Африки как уникального и влиятельного центра мирового развития. Во-вторых, Россия подчеркивает возросшую субъектность африканских стран, признает их влияние на международной арене и обязуется не навязывать Африке никакую политическую организацию или модель экономического развития.

В-третьих, Россия будет выступать против создания нового мира, в котором африканские страны смогут развиваться в более справедливом и многополярном мире.

В концепции большое внимание уделяется продовольственной и энергетической безопасности, логистическим услугам и перерабатывающей промышленности. Россия превратилась в экспортера зерна благодаря последовательным хорошим урожаям в последние годы. По мере продолжения кризиса на Украине потребность Африки в продовольственной безопасности становится все более насущной. Из-за отсталости африканских стран в области сельского хозяйства и инфраструктуры, а также влияния новой эпидемии коронавируса и частых стихийных бедствий, проблемы продовольственной безопасности в Африке стали особенно острыми. Недостаток продовольствия, хрупкость цепочек поставок и зависимость от внешних источников сильно сказались на развитии стран региона. При этом 30% продовольственного импорта Африки приходится на Россию, а основным импортируемым продуктом является пшеница, которая в основном продается в Алжир, Египет, Ливию, Марокко, Тунис, Нигерию, Эфиопию, Судан и Южную Африку. Спрос на продовольствие в Африке будет продолжать расти по мере роста населения⁹. Продовольственный кризис в Африке усугубляется закрытием портов и срывом сроков посадки из-за кризиса на Украине. Согласно докладу Организации Объединенных Наций «Мировое экономическое положение

⁷ Гачечиладзе З. Позиция ЮАР по украинскому кризису. 13.05.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/pozitsiya-yuar-po-ukrainskomu-krizisu> (дата обращения: 27.02.2024).

⁸ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 25.03.2024).

⁹ Joseph Siegle. «Decoding Russia's Economic Engagements in Africa», Africa Center for Strategic Studies, January 6, 2023, <https://africacenter.org/spotlight/decoding-russia-economic-engagements-africa/> (дата обращения: 14.05.2024).

и перспективы на 2023 год», масштабы продовольственного кризиса в Африке достигли исторического максимума, и в регионе возросли риски для продовольственной безопасности. Около 60% населения Африки испытывает умеренное или серьезное отсутствие продовольственной безопасности и нуждается в срочных мерах¹⁰.

В Докладе о финансировании устойчивого развития в 2022 году показано, что до украинского кризиса Россия и Украина поставляли 30% мировой пшеницы и ячменя, 20% кукурузы и более 50% подсолнечного масла, экспортируя их в основном в развивающиеся страны, такие как Африка. При этом производство зерна в России в 2022 году составило 157 млн т, что стало рекордным показателем, а в 2023 году — 147 млн т. В целом, Россия стала ведущим мировым экспортером зерна и главным мировым экспортером пшеницы¹¹. Кроме того, Россия является важным экспортером удобрений, на долю которого в 2022 году пришлось около 12% африканского рынка¹².

Экономическое, торговое, энергетическое и военное сотрудничество России с Африкой имеет «стратегические соображения» для преодоления санкций и блокады со стороны США и Запада. Африканские страны, такие как Египет, Алжир, Тунис и Ливия, стали важными игроками в российско-африканской торговле, предоставляя новые рынки для внешнеэкономической деятельности России. На Африку приходится 60%

мировых запасов высококачественной солнечной энергии. Россия, благодаря своему энергетическому сотрудничеству с Африкой, может влиять на международный энергетический ландшафт и цены.

В военной сфере нестабильные регионы Африки нуждаются в безопасности. На втором саммите Россия — Африка в 2023 году В.В. Путин заявил, что Россия подписала соглашения о военно-техническом сотрудничестве с более чем 40 африканскими странами, поставляя им вооружение и технику. Оказывая военное сотрудничество африканским странам, Россия смогла обеспечить их необходимыми ресурсами и оборудованием¹³.

Российско-африканское военное сотрудничество и в сфере безопасности оказывает серьезное давление на Запад в Африке. В течение долгого времени Африка испытывала серьезный дефицит управления безопасностью, а развитие региона после деколонизации показало его нестабильность: многие страны погрязли в гражданских войнах, государственных переворотах и политических кризисах.

Влияние Европы на Африку было одним из основных факторов развития региона [5]. Снижение традиционного влияния Европы на Африку заставило многие африканские страны обратиться за сотрудничеством к России. На втором саммите Россия-Африка в 2023 году министр иностранных дел Мали Абдулае Диоп заявил, что Мали продолжит развивать сотрудничество с Россией в области обороны и безопасности после вывода Интегрированной

¹⁰ United Nations, World Economic Situation and Prospects 2023, January 25, 2023, <https://desapublications.un.org/publications/world-economic-situation-and-prospects-2023> (дата обращения: 12.04.2024)

¹¹ Россия в 2023 году, предварительно, собрала 147 миллионов тонн зерна. 12.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240112/zerno-1920850181.html> (дата обращения: 18.03.2024).

¹² Россия за пять лет удвоила поставки удобрений в Африку и готова их наращивать. 27.07.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18372429> (дата обращения: 23.03.2024).

¹³ Путин рассказал о соглашениях со странами Африки по линии ВТС 28.07.2023. URL: <https://ria.ru/20230728/afrika-1886802444.html> (дата обращения: 22.04.2024).

миссии ООН по стабилизации в Мали (MINUSMA).

26 июля 2023 года в Нигере, не имеющем выхода к морю, произошел государственный переворот. Нигер — седьмой по величине производитель урана в мире, четвертый по величине запасов урана в мире, крупнейший поставщик урана во Францию и Европейский союз, источник 10% урана, используемого для производства электроэнергии на французских атомных электростанциях. Нигер давно рассматривается Западом как «стратегический приоритет» в Африке из-за его экономического и стратегического значения с точки зрения ресурсов, энергии и стратегического положения. После государственного переворота население Нигера стало все больше недовольствоваться французским «неоколониализмом» и искать поддержки у России. Уже в января 2024 года Министерство обороны России объявило, что Россия и Нигер договорились о развитии военного сотрудничества в целях «повышения уровня боеготовности армии Нигера»¹⁴. Затем, в марте 2024 года Россия и Демократическая республика Конго подписали соглашение о военном сотрудничестве.

«Возвращение» России в Африку привело к усилению конкуренции. После распада Советского Союза Россия ушла из Африки, и другие страны быстро заполнили образовавшееся пространство, развивая сотрудничество с африканскими странами. Европейский союз, США, Япония, Индия, Турция и другие страны и международные организации расширяли

свое влияние в Африке, созывая встречи на высшем уровне и форумы по сотрудничеству. В настоящее время Африканский союз имеет девять механизмов внешнего партнерства, включая Лигу арабских государств, Европейский союз, Южную Америку, Соединенные Штаты, Китай, Японию, Индию, Турцию и Южную Корею. Однако подобного механизма нет у России и Евразийского экономического союза¹⁵. С другой стороны, Российско-Африканский союз и Евразийский экономический союз имеют ряд механизмов внешнего партнерства.

Пока Россия и Африка имеют низкий уровень экономической взаимозависимости, который вряд ли изменится в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Импортно-экспортная торговля России с африканскими странами значительно отстает от других крупных экономик, а основными партнерами Африки остаются Европейский союз, Китай, США и другие страны или организации. По данным Федеральной таможенной службы РФ, в 2023 году объем импортно-экспортной торговли России с Африкой составит 24,6 млрд долларов. Хотя по сравнению с 2022 годом этот показатель увеличился на 37%, в краткосрочной и среднесрочной перспективе России будет сложно получить преимущество перед другими странами¹⁶. В контексте западных санкций многие африканские страны обеспокоены их влиянием на сотрудничество с российскими компаниями, особенно после исключения России из Системы международных финансовых транзакций (SWIFT).

¹⁴ Замминистра обороны РФ генерал-полковник Александр Фомин провел рабочую встречу с Министром национальной обороны Республики Нигер. 16.01.2024. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12496193@egNews (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁵ «External partnerships between the AU and organizations, regions or countries», African Union. URL: <https://au.int/en/partnerships> (дата обращения: 24.04.2024).

¹⁶ Сальдо внешней торговли России сократилось в 2023 году в 2.4 раза. 12.02.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19960477> (дата обращения: 17.03.2024).

РОССИЯ В АФРИКАНСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Негативное влияние на имидж России в Африке оказывают различия в ее возможностях ведения «гибридной войны», что стало очевидным во время двух украинских кризисов 2014 и 2022 годов. В этих кризисах США использовали сочетание военного сдерживания, экономических санкций, дипломатического давления и информационной войны для ограничения влияния России.

США и западные СМИ постоянно дискредитируют Россию, распространяя негативные истории среди африканского населения. Африканские страны, имея долгую историю колонизации и чувствительность к территориальным изменениям, восприимчивы к влиянию западных СМИ на тему украинского кризиса. По мнению Микатекисо Кубайи, исследователя из Института глобального диалога в ЮАР, значительная часть глобального информационного пространства контролируется Западом и навязывается другим странам, из-за чего голоса России часто не слышны в местных СМИ, русская культура слабо представлена в Африке, а многие глобальные новостные платформы занимают антироссийскую позицию [6].

В апреле 2022 года Палата представителей Конгресса США приняла «Акт о противодействии вредоносной деятельности России в Африке», направленный на сдерживание деятельности России и ее агентов в Африке.¹⁷ В августе того же года в обновленном документе Белого дома «Стратегия США в Африке к югу от Сахары» утверждалось, что Россия рассматривает этот регион как место обитания своих

парагосударственных структур и частных военных компаний, способствующих нестабильности в своих стратегических и экономических интересах.

Хотя Россия также старается использовать свои ресурсы и влияние своих СМИ в Африке, таких как телеканал Russia Today (RT), для противостояния американо-западному медиа-наступлению, значительная разница в коммуникационных возможностях и отсутствие видимых результатов негативно сказываются на ее репутации.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АФРИКИ

В последнее время отношения России и Африки активизировались. Во-первых, значительно увеличилось взаимодействие на высоком уровне. С февраля 2022 года по май 2023 года С.В. Лавров совершил четыре визита в Африку: в Египет, Конго, Уганду и Эфиопию в июле 2022 года, в Анголу, ЮАР, Свазиленд и Эритрею в январе 2023 года, в Мали, Мавританию и Судан в феврале 2023 года, в Кению, Бурунди и Мозамбик в конце мая 2023 года. Были охвачены практически все субрегионы Африки: юг Африки, Западная Африка, Сахельский регион и Африканский Рог. Интенсивные поездки Лаврова были направлены в основном на то, чтобы заручиться поддержкой африканских стран, подготовить второй российско-африканский саммит, укрепить российско-африканское сотрудничество в торгово-экономической, военной, образовательной и других сферах, а также совместно содействовать развитию многополярного мира¹⁸.

¹⁷ U.S. Congress. «Countering Malign Russian Activities in Africa Act», April 5, 2022, <https://www.congress.gov/bills/117/congress-house-bill/7311/text> (дата обращения: 22.03.2024).

¹⁸ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2023 году. 18.01.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1926392/ (дата обращения: 07.04.2024).

В июле 2023 года Россия провела в Санкт-Петербурге Второй российско-африканский саммит и экономико-гуманитарный форум, в котором приняли участие представители 49 африканских стран и почти всех африканских региональных организаций и который был посвящен трем основным темам: кризис на Украине, продовольственная безопасность и углубление междисциплинарного сотрудничества Россия-Африка. После саммита Россия и Африка выпустили План действий Форума партнерства Россия-Африка на период 2023–2026 годов, который определил ориентиры российско-африканского сотрудничества в новую эпоху. В августе 2023 года в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялась 15-я встреча лидеров БРИКС на тему «БРИКС и Африка: углубление партнерства для взаимного роста, устойчивого развития и инклюзивного многостороннего подхода».

Во-вторых, укрепляется продовольственное сотрудничество. Благодаря дипломатическому посредничеству ООН с Турцией Россия и Украина подписали 120-дневное соглашение о возобновлении экспорта сельскохозяйственной продукции из портов Черного моря в июле 2022 года, которое было трижды продлено: в ноябре 2022 года, марте 2023 года и мае 2023 года, что дало необходимые гарантии для укрепления российско-африканского сотрудничества в области продовольствия. В марте 2023 года Владимир Путин заявил, что даже в случае прекращения действия Соглашения о транспортировке продовольствия по Черному морю Россия будет оказывать Африке продовольственную помощь. Декларация второго российско-африканского саммита, принятая на втором российско-африканском

саммите в июле того же года, определяет совместные российско-африканские усилия по обеспечению долгосрочной продовольственной безопасности в Африке и борьбе с незаконными односторонними ограничительными мерами, которые ставят африканские страны перед угрозой отсутствия продовольственной безопасности. На саммите В.В. Путин заявил, что Россия является стабильным и ответственным поставщиком продовольствия в Африку и может заменить Украину в постепенном расширении поставок сельскохозяйственной продукции в африканские страны. В 2022 году Россия экспортировала в Африку 11,5 млн т продовольствия, а только в первой половине 2023 года почти 10 млн т. Россия также оказывает гуманитарную продовольственную помощь общим объемом 200 000 т шести африканским странам, включая Буркина-Фасо, Мали и Эритрею¹⁹.

В-третьих, сотрудничество в сфере военной безопасности неуклонно растет. Потребность африканских стран в развитии национальной обороны для защиты своих национальных интересов и противодействия угрозам сепаратизма и терроризма, а также для экономического развития своих стран и утверждения своих позиций на мировой арене создает высокий спрос на военные технологии и вооружение. Военно-техническое сотрудничество традиционно является одним из ключевых инструментов политики России в Африке. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), опубликованным в марте 2024 года, доля России на африканском рынке вооружений в период 2019–2023 годов составила 24%. Оружие поставляется в основном в такие страны,

¹⁹ Россия поставила 200 тыс. тонн зерна в шесть стран Африки. 21.02.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65d50f6d9a79479f38bffe08> (дата обращения: 24.03.2024).

как Египет, Алжир, Нигерия и Мали²⁰. В декабре 2023 года генеральный директор «Рособоронэкспорта» Александр Михеев заявил, что «на африканский рынок в 2023 году будет приходиться 30% от общего объема российского экспорта вооружений общей стоимостью более 5,2 миллиарда долларов»²¹.

В-четвертых, еще больше расширилась сфера сотрудничества в области энергетики. Россия активно развивает энергетическое сотрудничество с Африкой через дипломатию на высшем уровне и многосторонние механизмы. Укрепляя сотрудничество с африканскими странами ОПЕК и крупными нефтедобывающими странами, такими как Египет, Россия энергично расширяет пространство для энергетического сотрудничества с Африкой к югу от Сахары. В области сотрудничества в сфере электроэнергетики Россия использует свои передовые ядерные технологии для оказания помощи африканским странам в создании электроэнергетической инфраструктуры, способствуя тем самым стабильности энергоснабжения в африканских странах.

В июле 2022 года Росатом начал строительство АЭС «Даба» для Египта, поставляя ядерное топливо для ее эксплуатации и обучая персонал. В ходе российско-африканского саммита в июле 2023 года Россия и Зимбабве подписали межправительственное соглашение о мирном

использовании атомной энергии в широком спектре областей, а также соглашение с Угандой о строительстве атомной электростанции. «На стадии подготовки находятся более 30 перспективных российских энергетических проектов в 16 африканских странах. Общая мощность разрабатываемых проектов составляет около 3,7 ГВт»²².

В октябре 2022 года Россия также подписала с Угандой соглашение о строительстве атомной электростанции. В октябре того же года в России прошла Международная энергетическая неделя, в рамках которой Росатом подписал соглашения в области атомной энергетики с Буркина-Фасо и Мали, а также стратегическое соглашение между Фондом «Росконгресс» и Африканской энергетической палатой. В области традиционной энергетики «Лукойл», «Газпром», «Роснефть» подписали стратегические соглашения, основанные на доверии, которое было достигнуто благодаря энергетическому сотрудничеству в советскую эпоху²³.

В итоге, отношения между Россией и Африкой характеризуются частыми высокоуровневыми взаимодействиями, растущими торговыми партнерствами и обширным военным сотрудничеством. Основные области сотрудничества включают: Дипломатические взаимодействия: частые визиты и саммиты, такие как Саммит Россия — Африка,

²⁰ Pieter D. Wezeman, Katarina Djokic, Dr Mathew George, Zain Hussain and Siemon T. Wezeman, "Trends in International Arms Transfers, 2023," SIPRI, March 2024. https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

²¹ Доля Африки в поставках «Рособоронэкспорта» превысила 30 процентов. 04.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231204/rosoboroneksport-1913574102.html> (дата обращения: 23.03.2024)

²² Казеева Н. Фокус на Африку: российские перспективы и возможности в новых реалиях. 13.10.2022. URL: <https://energypolicy.ru/fokus-na-afriku-rossijskie-perspektivy-i-vozmozhnosti-v-novyh-realiyah/regiony/2022/10/12/> (дата обращения: 28.03.2024).

²³ Путин сообщил о подготовке около 30 энергетических проектов с участием Африки 27.07.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2023/07/27/987210-putin-o-podgotovke-okolo-30-energeticheskikh-proektov-s-uchastiem-afriki> (дата обращения: 22.03.2024).

способствовали укреплению политических связей; Экономическое партнерство: торговля между Россией и африканскими странами выросла, наблюдаются значительные инвестиции в инфраструктуру, горнодобывающую и энергетическую отрасли; Военное сотрудничество: Россия остается одним из крупнейших поставщиков оружия для Африки, предоставляя военное обучение и участвуя в совместных учениях; Энергетическое сотрудничество: Российские компании участвуют во многих энергетических проектах по всему континенту, включая нефтегазовые и ядерные энергетические инициативы.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Траектория отношений между Россией и Африкой будет зависеть от нескольких факторов, включая глобальные геополитические сдвиги, экономические тренды и внутренние события в африканских странах. Стратегическое видение и адаптивная политика будут критически важны для обеих сторон для навигации по сложным вопросам их партнерства.

Россия поддерживает дипломатические отношения с 54 африканскими странами, наладила стабильное сотрудничество с африканскими странами в рамках международных организаций. На втором саммите Россия-Африка в июле 2023 года В.В. Путин заявил, что он «выступает за расширение представительства африканских стран в Совете Безопасности и других органах ООН, и что пришло время исправить «историческую несправедливость»²⁴. Стремление России к многополярному миру совпадает со

стремлением африканских стран к независимости и автономии, и она не только выступает за повышение статуса африканских стран в ООН, но и активно продвигает членство АС в G20 и включение его в механизм сотрудничества БРИКС. На 18 саммите G20 АС стал полноправным членом G20, и теперь африканские страны будут играть более значительную роль в международных делах и станут важной силой многополярности. В январе 2024 года Эфиопия и Египет, среди прочих, официально присоединились к организации БРИКС — это шаг, который с политической точки зрения означал крах альянса США на Африканском Роге и Красном море и который благоприятствует дальнейшему развитию отношений России с африканскими странами²⁵. Россия также использует свое председательство в БРИКС для расширения связей с кругом развивающихся стран, и все больше африканских стран выразили желание присоединиться к механизму сотрудничества БРИКС, что придало новый импульс дальнейшему развитию российско-африканских отношений.

Наконец, набирает обороты российско-африканское сотрудничество в области науки, образования, культуры и здравоохранения. Ранее утверждалось, что культурно-гуманитарное сотрудничество между Россией и Африкой не имеет ни четко определенных приоритетов, ни стратегического документа, а его развитие происходит неравномерно [7]. После начала украинского кризиса эта ситуация быстро изменилась. Если в области образования в 2008 году в России обучалось всего около 9000 африканцев, то в 2023 году

²⁴ Путин: РФ выступает за расширение представительства Африки в СБ и других структурах ООН. 28.07.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18389977> (дата обращения: 23.03.2024).

²⁵ Российско-африканские отношения в 2023 году. 05.01.2024. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/russia-africa-2023/> (дата обращения: 12.03.2024).

Россия данный показатель составил уже 35 000 африканских студентов.²⁶

В 2022 году в МГУ был создан Клуб «Россия-Африка», который стал площадкой для обменов между российскими и африканскими дипломатами, политиками, общественными деятелями и представителями деловых кругов с целью укрепления российско-африканской дружбы и общих связей. Кроме того, после 2022 года Россия открыла Русские дома в Судане, Мали, Египте и Алжире с целью содействия распространению русского языка и культуры в этих странах и укрепления «мягкой силы» России в Африке.²⁷

В области здравоохранения в 2022 году Россия поставила в Конго, Алжир, Марокко, Нигер, Уганду и другие африканские страны медикаменты на сумму более 62 млн долларов, в том числе вакцины против желтой лихорадки, вакцины «Спутник V», антибиотики и т.д.²⁸ Вышеупомянутые усилия Российской Федерации способствовали дальнейшему развитию российско-африканского сотрудничества в области гуманитарных наук.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие отношений между Россией и Африкой в контексте кризиса на Украине подчеркивает динамичный и многогранный характер международных отношений в XXI веке. Их партнерство несомненно сыграет значительную роль в формировании будущего глобальной геополитики.

На фоне украинского кризиса усилия России по укреплению партнерства

с Африкой являются следствием сложившейся ситуации и важным процессом в эволюции нового международного порядка. С одной стороны, России дипломатически необходимо найти новых надежных партнеров для развития экономических и торговых отношений и заручиться поддержкой в международном сообществе, чтобы прорвать блокаду санкций, наложенных США и Западом, а с другой стороны, отношения России с Африкой имеют исторические традиции и прочный фундамент, а неисследованные ресурсы и рынки Африки также привлекательны для России.

В то же время углубление российско-африканских отношений на фоне продолжающегося кризиса на Украине также будет стимулировать США к принятию различных мер и обнародованию различных указов в попытке воспрепятствовать им, расширяя собственную сферу действия. Хотя роль Запада в Африке снизилась, США все еще пытаются противостоять растущему влиянию России и других стран в Африке путем укрепления торговли и инвестиций в регионе, а традиционные колониальные державы, такие как Франция и Великобритания, все еще имеют здесь влияние, которое нельзя игнорировать. Это делает атмосферу для российско-африканского сотрудничества все более сложной. По мере усиления влияния «глобального Юга» и структурных изменений в международной системе игра крупных держав в Африке будет усиливаться.

²⁶ Борисова Ю. России нужно усилить подготовку кадров для стран Африки. 27.07.2023. URL: <https://rg.ru/2023/07/27/biznes-uchit-suahili.html> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁷ Кулькова О. Мягкая сила России в Африке: новые перспективы и вызовы. 09.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-rossii-v-afrike-novye-perspektivy-i-vyzovy/> (дата обращения: 27.03.2024).

²⁸ Россия в 2022 году поставила в Африку фармпродукции на более чем \$62 млн 08.08.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18464415> (дата обращения: 07.04.2024).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Роджерс М.Ф. Россия вернулась в Африку. *Международные отношения и общество*. 2019;4:116-125.
2. Jack Mangala, Africa and the New World Era: From Humanitarianism to a Strategic View, Palgrave Macmillan; 2010. pp.71-83.
3. Xue Gang, Jiang Yi (Editors). Russia during the Yeltsin Period: Diplomatic Volume. Beijing: People's Publishing House; 2001. P. 51-52.
4. Zhang Jian. Russia-U.S. Relations and Their Prospects in the Context of the Russia-Ukraine Conflict. *Peace and Development*. 2022;3:23-38.
5. Jian Yan. Separatist Movements in Africa: Types, Characteristics, and Evolution Trends. *International Political Studies*. 2023;2:86-105.
6. Xu Shuyue, Gao Fei. Theoretical and Practical Analysis of 'Hybrid Warfare' in the Context of the Ukraine Crisis. *Peace and Development*. 2023:76-96.
7. Маслова А., Свиридова В.Ю., Суслова Д.В., Мезенцева С.В., Зайцева В.Ю. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России. Москва: Международные отношения; 2021. С. 84.

REFERENCES:

8. Rogers M.F. Russia returned to Africa. *International Relations and Society*. 2019;4:116-125. (In Russ.).
9. Jack Mangala, Africa and the New World Era: From Humanitarianism to a Strategic View, Palgrave Macmillan; 2010. pp.71-83.
10. Xue Gang, Jiang Yi (Editors). Russia during the Yeltsin Period: Diplomatic Volume. Beijing: People's Publishing House; 2001. pp. 51-52.
11. Zhang Jian. Russia-U.S. Relations and Their Prospects in the Context of the Russia-Ukraine Conflict. *Peace and Development*. 2022;3:23-38.
12. Jian Yan. Separatist Movements in Africa: Types, Characteristics, and Evolution Trends. *International Political Studies*. 2023;2:86-105.
13. Xu Shuyue, Gao Fei. Theoretical and Practical Analysis of 'Hybrid Warfare' in the Context of the Ukraine Crisis. *Peace and Development*. 2023:76-96.
14. Maslova A., Sviridova V.Y., Suslova D.V., Mezentsseva S.V., Zaitseva V.Y. Africa: Development Prospects and Recommendations for Russia's Policy. Moscow: International Relations; 2021. pp. 84. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анастасия Е., Виноградова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
makal1998@bk.ru

Anastasia E. Vinogradova, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
makal1998@bk.ru

Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны

Сеймур М. Агамалиев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

seymuraga@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию внешней политики России и неоосманизма Турции в период Второй карабахской войны, длившейся с 27 сентября 2020 г. по 10 ноября 2020 г. В фокусе внимания автора находятся события осени 2020 г. как переломной точки в длительном этнополитическом и территориальном конфликте на Южном Кавказе. Основное внимание уделено определению факторов влияния на позиции, занятые Россией и Турцией в конфликте, как главных внешних арбитров и ключевых региональных игроков, а также последствий предпринятых действий. Выделены главные причины активной поддержки Азербайджана со стороны Турции, а именно: концептуальные основы неоосманизма в комплексе с элементами пантюркизма и мусульманского аспекта, подразумевающие стремление к региональному лидерству на Южном Кавказе и расширение своего доступа в тюркском мире. Определены факторы, оказавшие влияние на отсутствие прямого вмешательства России в ход войны на стороне Армении: сохранение статус-кво конфликта как наиболее приемлемого для поддержания безопасности в регионе; согласие с юридически обоснованными притязаниями Азербайджана на территорию Нагорного Карабаха с точки зрения международного права; важность сохранения стабильных отношений с Турцией при Р.Т. Эрдогане. Отмечается, что шестинедельная война изменила конфигурацию сил в регионе и привела к трансформации полюсов влияния на Южном Кавказе. Турция значительно укрепила свои позиции в качестве регионального актора, а Россия напротив, столкнулась с вызовами и прозападным векторами развития среди бывших стран СССР.

Ключевые слова: Вторая карабахская война, Азербайджан, Армения, Турция, Россия, Нагорный Карабах, Закавказье

Для цитирования: Агамалиев С.М. Роль неоосманизма и его особенности в контексте Второй Карабахской войны. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):236–248. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248>

Поступила 13.04.2024

Принята в печать 28.05.2024

Опубликована 30.09.2024

The role of Neo-Ottomanism and its features in the context of the Second Karabakh War

Seymur M. Agamaliyev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

seymuraga@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of Russia's foreign policy and Turkey's neo-Ottomanism during the Second Karabakh War, which lasted from September 27, 2020 to November 10, 2020. The author focuses on the events of autumn 2020 as a turning point in the long-term ethno-political and territorial conflict in the South Caucasus. The main attention dedicated to determining the factors influencing the positions taken by Russia and Turkey in the conflict, as the main external arbitrators and key regional players, as well as the consequences of the actions taken. The main reasons for Turkey's active support of Azerbaijan are the conceptual foundations of neo-Ottomanism in combination with elements of pan-Turkism and the Muslim aspect, implying a desire for regional leadership in the South Caucasus and expanding its access to the Turkic world. Author identified the factors that influenced the absence of direct Russian intervention in the course of the war on the side of Armenia. (Maintaining the status quo of the conflict as the most acceptable for maintaining security in the region; agreeing with Azerbaijan's legally justified claims to the territory of Nagorno-Karabakh from the point of view of international law; the importance of maintaining stable relations with Erdogan's Turkey). Noteworthy the six-week war has changed the configuration of forces in the region. It led to the transformation of the poles of influence in the South Caucasus. Turkey has significantly strengthened its position as a regional factor, while Russia, on the contrary, has faced challenges and pro-Western development vectors among the former USSR countries.

Keywords: The Second Karabakh War, Azerbaijan, Armenia, Turkey, Russia, Nagorno-Karabakh, Transcaucasia

For citation: Agamaliyev S.M. The role of Neo-Ottomanism and its features in the context of the Second Karabakh War: Russian-Turkish partnership. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):236-248. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-236-248>

Received 13.04.2024

Revised 28.05.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

Вторая карабахская война стала подтверждением провала попыток урегулирования армяно-азербайджанского конфликта практически тридцатилетней давности, имевшим место после первой карабахской войны в 1994 г. Так называемая

«замороженность» и статус-кво конфликта в долгосрочной перспективе, не устраивала ни Азербайджан, ни Армению, однако в начале XXI в. ни одна из сторон не обладала военно-техническими возможностями для открытого наступления

и включения в свой состав территории Нагорного Карабаха.

В послевоенном урегулировании наиболее активное участие извне принимали Россия и Турция в целях обеспечения безопасности в Закавказье и удержания влияния на постсоветском и тюркском пространстве. Однако во Второй карабахской войне позиция России была гораздо более нейтральной, что объяснялось трансформацией геополитического расклада сил в регионе. Если в Первой карабахской войне за Россией еще сохранялся сильный образ лидера для стран Южного Кавказа после недавнего распада СССР, то спустя 28 лет произошла значительная диверсификация внешнеполитических связей стран региона, где Турция заняла место одного из ключевых ориентиров и партнеров для Азербайджана. В качестве доктринального лозунга страна поддерживала принцип «Один народ — два государства», преследуя тем самым реализацию неоосманского проекта опираясь помимо этого на фундаментальные инструменты идеологии туранизма. В отличие от России, Турция в 2020 г. выразила более явную активность в ходе конфликта в связи с усилением идей неоосманизма в сочетании с пантюркизмом и стремлением к региональному лидерству, что привело к смене баланса сил на Южном Кавказе.

КОНЦЕПЦИЯ НЕООСМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ

Турция еще задолго до начала Второй Карабахской войны заняла позицию ключевого союзника Азербайджана. Здесь большую роль играла этническая, религиозная и культурная близость государств. Это обуславливало дружеские отношения

стран, выражалось в принципе «одна нация — два государства». В контексте Второй Карабахской войны, турецкий неоосманизм проявился через участие Турции в поддержке Азербайджана. В частности, Турция сыграла важную роль в модернизации азербайджанской армии и военной промышленности в начале XXI в., с 2003 г. осуществляя материальную, профессиональную и техническую помощь пограничным службам и Национальной армии Азербайджана [1].

Интерес Турции в решении конфликта в пользу Баку обусловлен доктринальной основой неоосманизма в сочетании с идеологией пантюркизма на которые она опирается. Как справедливо отмечают М.А. Шпаковская и О.В. Барнашов «неоосманизм — идеология, которая стремится выйти на более широкий геополитический охват, используя географические преимущества Турции, находящейся на стыке Востока и Запада, это синтез турецкого ислама, привнесенного во внешнюю политику [2]. Особенность заключается в том, что и Азербайджан, и Армения находятся на стыке трех историко-геополитических проектов — неоосманизма, исламского мира, пантюркизма, где геополитическим соперником Турции в Закавказье исторически выступает Ереван. Армения выступает в роли территориального барьера отделяя эксклав Нахичеваня от тюркского мира через Сюникский регион. Поэтому Турции была выгодна разблокировка транспортных коммуникаций и создание проекта «Зангезурский коридор», который позволил бы ей получить прямой доступ в Центральную Азию, с преобладающим количеством тюркоязычных государств. Проект юридически мог закрепить соглашение от 9 (10) ноября 2020 г.¹

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10.11.2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 31.10.2023).

По мнению ведущего российского турколога В. Аваткова [3], эрдогановская Турция провозглашает себя лидером «трех миров», в которые входят:

1. Постосманский мир — предполагает продвижение политической концепции неоосманизма антиподной кемализму на восстановление влияния, которое имела Османская империя. Османское наследие интересно тем, что имеет прямую связь с текущими событиями. Ее суть заключается в расширении сфер влияния Анкары в странах, входившие в юрисдикцию Порты². Исходя из этого, нынешняя территория Армении и Азербайджана по определению входят в зону геополитических и экономических интересов Турции, так как были исторически в ее составе.
2. Исламский мир — влечет за собой идею объединения мусульманских стран под лидерством Турции. Турецким академиком и экс генеральным секретарем Организации исламского сотрудничества (ОИС) отмечается тот факт, что турецкие султаны считались халифами, т.е. покровителями религии и святынь в Мекке и Медине с момента завоевания султаном Селимом I этих территорий [4]. В связи с чем, Эрдогановская Турция апеллирует к тому, что Османская империя была лидером всего мусульманского мира. Стоит отметить, что современную неоосманскую Турцию отличает религиозная толерантность между суннизмом и шиизмом. В качестве доказательства можно привести в пример речь президента: «Моя — религия не суннизм или

шиизм. Моя религия — ислам»³. Этим обусловлено расширение международной новостной повестки шиитским Азербайджаном среди мусульманских стран, где заявляется об уничтожении мечетей в Нагорном Карабахе Арменией.

3. Тюркский мир — подразумевает интеграцию тюркоязычных государств и народов, центром притяжения которой является Турецкая Республика. Существует множество трактовок пантюркистской идеи. Например, основоположник пантюркизма в Российской империи И. Гаспринский утверждал лишь о консолидации тюрков в рамках языковой и культурной идентичности [5]. Н. Атсыз предложил альтернативную интерпретацию пантюркистской концепции и заявлял о необходимости создания единого тюркского государства — Туран. Это подтверждается его письмом экс премьер-министру Турции Ш. Сараджоглу: «Мы тюрки, а тюрки всегда остаются тюрками. Для нас тюркизм в крови столь же важен, как и в сознании и культуре. Мы не те тюрки, которые ослабеют или уменьшатся. Мы тюрки, которые растут и намереваются расти дальше. И мы всегда будем работать над этим»⁴. Исходя из исторической ретроспективы неудивительно то, что, приняв сторону Азербайджана, Турция вела собственную игру, действуя в рамках объявленной стратегии возрождения «Великого Турана». Разумеется, пантюркистская стратегия возрождения «Великого Турана» Р. Эрдогана в настоящее время, утопична и труднореализуема, однако

² Порты (Великая Порты) — официальное наименование правительства Османской империи принятое в дипломатических кругах

³ Эрдоган: в отношении к исламу в мире проводится политика двойных стандартов. 11.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161011/1478974310.html> (дата обращения: 10.01.2024)

⁴ Нихаль Атсыз (1905–1975) — турецкий писатель, крупнейший теоретик пантюркизма и политический деятель. Осужден в итоге судебного процесса расистов-туранистов за ультраправые взгляды. Nihal Atsyz'in Mektubu. 05.08.1942. URL: <https://www.oocities.org/tokatulku/nihal.htm> (дата обращения: 11.01.2024)

может представлять угрозу своими националистическими корнями в связке с наибольшей по численности армией среди стран-членов НАТО. В то же время, исходя из вышеописанного, очевидно, что современный неоосманизм реализуется в связке с исламом и тюркизмом.

ФАКТОР НЕООСМАНИЗМА И АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКОГО СОЮЗА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ СИЛ В РЕГИОНЕ

Реальные предпосылки, указывавшие на активизацию и потенциальную горячую фазу конфликта, имели место задолго до осени 2020 г. После фактического проигрыша в Первой карабахской войне, целью Азербайджана стала модернизация военно-технической базы и промышленности, что перешло в активную фазу в начале 2000-х годов после прихода на пост президента страны Ильхама Алиева в 2003 г. была усилена военная риторика, рассмотрена политика военных расходов, значительно увеличено финансирование и расширено военно-техническое сотрудничество с внешними партнерами, в первую очередь с Турцией [6]. Ключевую роль в этом сыграл фактор неоосманской Турции под лидерством Партии справедливости и развития (ПСР), которую возглавляет нынешний президент Р.Т. Эрдоган. Под его руководством страна выдвигает себя на роль региональной державы. Фактически, это означает прямое участие Анкары в геополитических процессах Южного Кавказа.

Активность Анкары в регионе также объясняется заинтересованностью в обеспечении стабильной работы энергетических и транспортных проектов, что напрямую затрагивает энергетическую безопасность Турции. Открытие

нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан в 13 июля 2006 г. еще больше сблизило Азербайджан с Турцией по линии торговли энергоресурсами на международных рынках, а также закрепило за Анкарой роль важнейшего экономического партнера Баку. В дальнейшем, открытием газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум 25 марта 2007 г. продолжилась кооперация в энергетической отрасли и с Грузией, что особенно усилило позиции Турции во всем регионе Южного Кавказа после Пятидневной войны 2008 г. и разрыва дипломатических отношений Грузии с Россией [7].

В начале двухтысячных годов в регионе фиксировались перестрелки и военизированные столкновения, кульминацией чего стала четырехдневная апрельская война в 2016 г., тем не менее, никак не изменившая статус Нагорно-Карабахской Республики. С другой стороны, произошедшее обострение отчетливо продемонстрировало результаты совершенствования военно-технической промышленности Азербайджана, где наблюдалось преимущество над возможностями Армении [8]. Все вышесказанное привело к усиленной военной риторике Баку, уверенной в поддержке братской страны, которая не раз апеллировала к потенциальному военному вмешательству в конфликт в случае надобности. Накануне событий шестинедельной войны военная поддержка резко возросла: за 9 месяцев 2020 г. продажа Турцией военной техники Азербайджану составила 120 млн долл. [9]. Одной из ключевых позиций среди полученной Баку техники стали поставки комплектов БПЛА Bayraktar TB 2 и американских истребителей F-16, обеспечившие существенный перевес Азербайджану в ходе боевых действий. В целом, азербайджанская сторона одержала победу преимущественно за счет турецких БПЛА,

зафиксировав беспилотники в качестве успешного стратегического оружия.

Помимо постоянной военной поддержки наблюдается трансформация турецкой дипломатической риторики от «осторожного подхода» администрации Т. Озала в период первой Карабахской войны к уверенному укреплению своих и азербайджанских интересов Р.Т. Эрдоганом. Экспрезидент Т. Озал заявил весной 1992 г., что Турция примет нейтральную позицию в конфликте, в случае, если не произойдет расширение войны [10]. Неоосманская Турция при Р.Т. Эрдогане окончательно определилась в пользу Азербайджана. Например, в 2016 году на съезде общества Красного полумесяца в Анкаре он заявил: «Однажды Карабах непременно вернется к своему настоящему хозяину, снова станет азербайджанским»⁵.

Аналитики Университета развития Стамбула Гючлю Кесе и Кейсуке Вакисака указывали, что поддержка Азербайджана была предпринята Турцией и для улучшения внутривосточной обстановки. В результате, такой ход сыграл благоприятную роль внутри страны, поскольку стал сильным объединяющим фактором не только среди националистов, но и для всего партийного и общественного мнения Турции в стремлении помочь братскому народу [11].

В 2010 г. был подписан Договор «О стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой» (утвержден в 2011 г.)⁶, который предусматривал

военную поддержку и коллективную оборону государствами в случае нападения третьей стороны [11]. Шушинская декларация 2021 г.⁷ стала продолжением Договора о партнерстве 2010 г. и продемонстрировала переход азербайджано-турецких отношений из плоскости стратегического партнерства в область союзнических отношений. К моменту подписания Декларации за 30 лет существования независимого Азербайджана отношения с Турцией прошли поэтапную институционализацию и достигли высокого уровня взаимодействия. Можно предположить, что в дальнейшем Турция продолжит активное наращивание своего присутствия в регионе посредством развития отношений с Азербайджаном. Поддержав Баку во Второй карабахской войне и укрепив свои позиции в Азербайджане, Турция получила больше возможностей для расширения своего влияния, в том числе, в Центральной Азии.

РОССИЯ И НЕООСМАНИЗМ

Отношение России и современного турецкого государства характеризуются сложностью и многогранностью. Обе стороны являются важными участниками геополитического пространства, где их взаимодействие может варьироваться от сотрудничества до конкуренции. Как считает В. Аватков, неоосманизм это некий симбиоз ислама и национализма, различных идей и теоретических установок как, например, неопантюризм

⁵ Эрдоган заявил о поддержке Азербайджана в карабахском конфликте. 04.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160404/1402255350.html> (дата обращения: 13.02.2024)

⁶ Президент Турции утвердил Договор «О стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой». 29.03.2011. URL: https://azertag.az/ru/xeber/prezident_turcii_utverdil_dogovor_o_strategicheskom_partnerstve_i_vzaimopomoshchi_mezhdu_azerbaidzhanskoi_respublikoi_i_tureckoi_respublikoi-744400 (дата обращения: 31.10.2023).

⁷ Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. 16.06.2021. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122> (дата обращения: 02.11.2023).

и панисламизм, ориентированных на расширение сфер влияния Турции [3]. Это определение логически обосновывает соперничество Москвы и Анкары на постсоветском пространстве, в тюркском мире и на Ближнем Востоке.

Представляется, что довольно сложно определить степень угрозы неоосманизма и пантюркизма для России. Официальная точка зрения была высказана в ноябре 2021 г., пресс-секретарем президента России, Д. Песковым, который знает страну и как тюрколог. Комментируя появление в прессе фотографии Р.Т. Эрдогана и лидера националистической партии Д. Бахчели на фоне карты тюркского мира, куда входили территории РФ он заявил: «Действительно, есть общность — культурная, историческая тюркского мира», однако при этом, подчеркнув, что действительный центр тюркского мира расположен не в Турции, а на территории Алтая⁸. В кемалистских и националистических кругах Турции принято считать, что именно Россия и Армения исторически причастны к распаду Османской империи и являются геополитическим препятствием на пути образования Турана. Опираются они на то, что Османская и Российская империи на протяжении истории считались противниками, и воевали в общей сложности 12 раз, а основная территория тюркского мира расположена на международно-признанных территориях РФ. С другой стороны, Россия вела свою геополитическую игру, позиционируя себя покровителем славянских

и христианских народов, проживавших на территории Османской империи.

Неоосманская концепция Р.Т. Эрдогана более сдержанна в этом вопросе и заявляет о трансформации конфронтационной тенденции в российско-турецких отношениях в пользу партнерства, ссылаясь на экономические и политические проекты, объединяющие страны. На сегодняшний день Турция — один из важных внешнеэкономических партнеров РФ, а их кооперация закреплена такими проектами, как: «Аккую», «Голубой поток», «Турецкий поток», а также Трансанатолийским и Трансдариатическим газопроводами. Общий объем товарооборота России с Турцией в 2022 г. достиг рекордных 68 млрд долл. В 2023 г. он составил 48,5 млрд долл.⁹, что объясняется снижением товарооборота и корректировкой цен¹⁰. Турция сумела достичь положительной дипломатической динамики с Россией. Это подтвердил президент В.В. Путин в 2020 г.: «У нас расходятся часто взгляды на отдельные вопросы с президентом Эрдоганом. Может, иногда даже противоположные взгляды. Но это человек, который держит слово, мужчина»¹¹.

Одновременно с улучшением российско-турецких отношений, с 2018 г. осложнялись отношения с Ереваном, так как внешнеполитический курс Армении принял более прозападный вектор, где экономическое и культурное сближение со странами Запада ошибочно воспринималось Арменией в качестве безоговорочной поддержки в случае

⁸ Песков прокомментировал карту тюркского мира, с которой фотографировался Эрдоган. 21.11.2021. <https://russian.rt.com/world/news/930276-peskov-karta-tyurkskii-mir> (дата обращения: 19.12.2023)

⁹ Товарооборот между Россией и Турцией снизился на 20%. 10.02.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/10/1019610-tovarooborot> (дата обращения: 14.06.2024)

¹⁰ Путин объяснил снижение товарооборота с Турцией корректировкой цен. 11.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21074675> (дата обращения: 14.06.2024)

¹¹ Путин заявил, что его взгляды с Эрдоганом часто расходятся, но он держит слово. 17.12.2020. URL: <https://tass.ru/politika/10282945> (дата обращения: 28.01.2023)

военного столкновения с Азербайджаном. Прозападный вектор Н. Пашиняна продолжился и бывшим министром обороны Армении Д. Тонояном, визит которого в США в марте 2019 г. был предпринят, в том числе для того, чтобы заручиться поддержкой армянского лобби как в США, так и в западных странах в целом, после представления новой формулы Армении «новая война за новые территории» [12]. Переговорный процесс потерял всякое значение к лету 2020 г., когда Азербайджан совместно с Турцией, а Армения с Россией провели военные учения, на которых странами прорабатывались и закреплялись боевые навыки и боевое слаживание частей и подразделений, что послужило фактическим созданием условий для начала активных боевых действий в Нагорном Карабахе между Баку и Ереваном в результате приграничных военных инцидентов и обстрелов в июле 2020 г.¹²

Армения надеялась на моральную поддержку западных стран, в тоже время, ожидая активных действий со стороны России. Азербайджан не только значительно усиливал собственные силы, но и имел реальных сторонников и скрытых союзников в потенциальном конфликте. Этим было обусловлено невмешательством России в ход шестинедельной войны, что отличало этот конфликт в Закавказье от других на постсоветском пространстве, где Москва включалась в разрешение ситуации. Такая позиция России была обусловлена следующими факторами:

- Во-первых, сложившийся статус-кво вокруг Нагорного Карабаха был наиболее приемлемым в ситуации, где, с одной стороны, Армения являлась союзником в рамках ОДКБ, а с другой — юридически Нагорный Карабах рассматривался в составе Азербайджана. Именно этот факт послужил отсутствием оснований для ввода в Армению союзных войск ОДКБ.
- Во-вторых, в случае открытой поддержки Армении Москва бы столкнулась напрямую с Анкарой, что негативно отразилось бы на российско-турецких отношениях. России важно было сохранить стабильность в отношениях с Турцией как усиливающимся региональным лидером, членом НАТО и отчасти вовлеченной стороной в украинский конфликт [6].
- В-третьих, после прихода к власти Н. Пашиняна отношения с Россией ухудшились не только из-за усиления прозападного вектора во внешнеполитическом курсе, но и из-за роста антироссийских настроений в обществе. Например, в Армении при активном участии властей начали задерживать политических деятелей, которые выступали за тесные отношения с Россией. Экс-президент Армении Р. Кочарян¹³ и, занимавший пост Генсека ОДКБ Ю. Хачатуров, были обвинены в свержении конституционного строя в 2018 г.¹⁴ Губернатором Арагацотнской области,¹⁵ а позднее и помощником Н. Пашиняна стал Д. Геворгян, публично растоптавший российский флаг¹⁶.

¹² В Азербайджане заявили об ударе по опорному пункту армянских военных. 13.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200713/1574254496.html> (дата обращения: 15.06.2024)

¹³ Случаи ареста бывших и действующих глав государств. 05.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230405/arrest-1863058426.html> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁴ Генсека ОДКБ обвинили в свержении конституционного строя в Армении 13.05.2019. <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2018/5b5ae63f9a794702427fa1ab> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁵ В Армении человека, растоптавшего российский флаг, назначили губернатором. 13.05.2019. URL: <https://ria.ru/20190513/1553441012.html> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶ Давид Геворгян назначен помощником премьер-министра. 30.11.2022. URL: <https://www.ra.am/archives/79046/> (дата обращения: 31.10.2023).

В результате, для России слишком рискованным было каким-либо образом поддерживать армянские притязания на НКР, предпочтительнее было выступать в роли активного наблюдателя и миротворца, что она и сделала. Так, с официальной позицией, выраженной в согласии с правом Азербайджана на территорию НКР в соответствии с международным правом, и отсутствием прямого вмешательства в ход войны, Россия заняла позицию примиряющей стороны. При посредничестве Москвы было подписано трехстороннее Заявление о прекращении огня и военных действий в Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией 9 ноября 2020 г.¹⁷. Тогда, ввод 1960 российских миротворцев в Нагорный Карабах и Лачинский коридор как реально присутствующей силы закрепил за Россией роль главного арбитра в армяно-азербайджанском конфликте¹⁸.

Несмотря на то, что Москва действительно сыграла серьезную роль в вопросе завершения острой фазы конфликта, что в первую очередь было крайне необходимо Армении в ситуации реальной угрозы для национальной целостности страны, а не только утере НКР, в Армении антироссийские настроения сохранились по причине обвинения в отсутствии военной помощи по линии ОДКБ. Однако, Москва резко снизила влияние Франции и США на ход конфликта, сопредседателей Минской группы ОБСЕ, что положительно отразилось на региональных позициях России [13]. Ввод миротворческих сил в зону боевых действий был предпринят в качестве попытки сдерживания прозападных настроений и в Армении, и в Азербайджане, в качестве нивелирования образа агрессора,

демонстрации статуса Москвы в качестве миротворца в регионе, сохранении нейтральных отношений с обеими сторонами конфликта.

ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ НА ФОНЕ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ АНКАРЫ

Необоснованно рассматривать завершение конфликта в пользу Азербайджана однозначно выигрышным для России, поскольку в действительности именно Турция получила гораздо больше политических выгод расширяя неоосманскую и пантюркистскую идею в регионе, что ослабило российские позиции. Во-первых, для Азербайджана окончательно отпала необходимость балансирования между Турцией и Россией, так как главная национальная задача по возвращению территорий, фактически была решена. Исходя из этого, исторически, в военном плане и культурно для Азербайджана привлекательна именно Турция. Более того, между Анкарой и Баку было подписано ряд стратегических соглашений в военной сфере, а принцип «Один народ — два государства» закрепился еще сильнее в политической повестке стран. Во-вторых, потенциальное открытие Сюникского (Зангезурского) коридора влечет за собой дополнительное вытеснение российских позиций в тюркском мире, так как географический барьер в лице Армении окончательно теряет свою актуальность, а Турция получает доступ к тюркским странам. Для России, такой рост влияния Турции среди тюркоязычных стран на постсоветском пространстве пока не критичен, но вызывает некоторую напряженность.

¹⁷ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁸ Russia's Role in Enforcing Peace 28.11.2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/russias-role-in-enforcing-peace-in-nagorno-karabakh-stirs-hopes-bitterness-11606572000> (дата обращения: 14.06.2024).

В-третьих, Россия, как гарант соглашения, осознавала необходимость расширения границ внешнеполитической стратегии по отношению к Армении и Азербайджану при обеспечении безопасности в регионе, учитывая внешнеполитические интересы стран-сторонников Азербайджана: не только Турции, но и тюркских государств, а также динамику отношений стран исламского мира к развитию ситуации, позиции США как лидера блока НАТО, поддержку Баку Израилем для сдерживания Ирана и др. Оставалась и необходимость окончательного разрешения конфликта, а не перемирия, где невоенное урегулирование уже не имело шансов на успех.

Несмотря на то, что роль России в данной ситуации заметно снижалась, особенно, на фоне усиления Турции, Москва в наиболее приемлемом для себя формате предпринимала усилия по урегулированию конфликта. Присутствие миротворческого контингента в регионе, посредничество в разрешении конфликта и участие в дальнейших трехсторонних встречах с Азербайджаном и Арменией все же сохраняло за Россией статус заметного игрока в Закавказье.

В современных условиях, Южный Кавказ остается для России, не только важным транспортным узлом между Западом и Востоком, но и сосредоточением исторических и политических взрывоопасных противоречий между странами на южных границах России, которые демонстрируют все более прозападный вектор развития. Вследствие этого Закавказье превращается в скрытый плацдарм Запада, в регионе стабильно проходят военные учения сил НАТО, в частности, в акватории Черного моря [14]. Поэтому, вне зависимости от развития ситуации на других направлениях, для России всегда остается актуальным и необходимым стремление удерживать регион в зоне постоянного мониторинга.

Таким образом, с началом активных боевых действий во Второй Карабахской войне 27 сентября 2020 г. основными внешними игроками оказались Россия и Турция. При этом, позиции стран, равно как и их действия, осуществлялись в разном формате, что объясняется их целями и национальными приоритетами. Для обеих стран, регион Закавказья — стратегически и исторически важная зона, усиление влияния в которой, выступает важной составляющей внешней политики. Идеологические рамки неоосманизма и пантюркизма, которые используются Президентом Турции Р.Т. Эрдоганом укрепили связи с Азербайджаном, который близок к тюркскому наследию и языку.

Окончание шестинедельной войны осенью 2020 г. между Азербайджаном и Арменией качественным образом изменило стратегический и геополитический расклад сил в регионе Южного Закавказья. Фактически, силовое присоединение НКР одной из сторон изначально было единственно действенным, поскольку долгосрочность конфликта, высокий уровень этнического национализма и исторической вражды Азербайджана и Армении были ярко выражены, а любые дипломатические методы воздействия не имели бы никакого глобального влияния. Подтверждением этому является и провал урегулирования конфликта посредством раундов переговоров в начале 2000-х годов между высокими представителями Азербайджана и Армении совместно с Минской группой ОБСЕ. Противоречие между юридическими правами Азербайджана на регион и фактической победой Армении в Первой карабахской войне, несовместимость принципа нерушимости государственных границ и права наций на самоопределение только усиливали конфликтогенный потенциал региона. В результате трехстороннего Соглашения

о перемирии между Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом, подписанного 12 мая 1994 г.¹⁹, Нагорный Карабах де-факто стал независимой Республикой, де-юре непризнанной ни одной из стран мира, в том числе Арменией. Несмотря на то, что вторая война не привела к окончательному разрешению территориального спора, решительное завершение кей-са произошло в итоге контрнаступления Азербайджана в 2023 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вовлечение в конфликт Турции на стороне Баку является проявлением неоосманизма Р.Т. Эрдогана, поскольку в результате Второй Карабахской войны он усилил свое влияние в «3-х мирах», лидером которых ПСР себя провозглашает: тюркского, постосманского и исламского, частью которого исторически является Закавказье. В период Первой Карабахской войны Анкара не имела явно выраженной проазербайджанской позиции, так как не доминировал фактор неоосманизма. Однако, выстроив партнерские отношения с Азербайджаном и важнейшим геополитическим арбитром в регионе — Россией, Р.Т. Эрдоган применил «умную силу», которая выражалась в военно-дипломатическом подходе для урегулирования конфликта на выгодных для турецкой стороны и Азербайджана условиях. Особенностью неоосманизма также выделяется его связь с пантюркистской идеологией, которая исторически

была популярна среди националистических кругов в Турции. Таким образом, турецкий неоосманизм в конфликте привел к следующим результатам. Во-первых, победа и качественный перевес военно-технического оснащения Азербайджана были обусловлены широкой поддержкой Турции. Это продемонстрировало возможности влияния Анкары на выгодный исход конфликта и высокие технологические данные военной промышленности, что привело к росту оборонного и авиационного военного экспорта Турции. Во-вторых, Анкара сравнивала позиции с Москвой в вопросе реального мониторинга развития ситуации в регионе за счет подписания с Россией меморандума о взаимопонимании по созданию Совместного Центра по контролю за режимом прекращения огня в Нагорном Карабахе 11 ноября 2020 г.²⁰ Уже 30 января 2021 г. российско-турецкий мониторинговый центр был открыт возле с. Киямаддинли Агдамского района Азербайджана²¹. Этот район перешел под контроль Азербайджана по условиям трехстороннего Соглашения от 9 ноября, равно как и Кельбаджарский и Лачинский районы. Таким образом, ВС Турции располагались непосредственно на территории Нагорного Карабаха. В-третьих, еще большее сближение с Азербайджаном открывало для Турции возможности дальнейшего усиления присутствия в регионе и потенциально в тюркском мире. Такая перспектива стала реальной за счет подписания Шушинской

¹⁹ Соглашение о прекращении огня. Минобороны Российской Федерации П.С. Грачёву. МИД Российской Федерации А.В. Козыреву, В.Н. Казимирову. Личный онлайн-архив дипломата В. Н. Казимирова. 12.05.1994. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc10.htm> (дата обращения: 31.10.2023).

²⁰ МИД: Мы приветствуем меморандум о создании совместного российско-турецкого Центра по контролю за соблюдением режима прекращения огня в Нагорном Карабахе. 12.11.2020. URL: https://azertag.az/ru/xeber/MID_My_privetstvuem_memorandum_o_sozdanii_sovmestnogo_rossiisko_tureckogo_Centra_po_kontrolyu_zha_soblyudeniem_rezhima_prekrashcheniya_ognya_v_Nagornom_Karabahe-1640405 (дата обращения: 01.11.2023).

²¹ В Карабахе открылся российско-турецкий мониторинговый центр. 30.01.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10584995> (дата обращения: 01.11.2023).

декларации о союзнических отношениях Турции и Азербайджана 15 июня 2021 г. Декларация изменила конфигурацию сил с точки зрения региональной безопасности. Её основные пункты о коллективной защите в случае агрессии третьей стороны, всестороннем военно-стратегическом сотрудничестве, координации во внешнеполитическом секторе в рамках Совета стратегического сотрудничества высокого уровня и консолидации усилий по развитию сотрудничества в других областях, позволили Турции окончательно зафиксировать за собой статус регионального актора, способного проводить самостоятельную политику на Южном Кавказе, уверенно снижая влияния традиционных лидеров.

В начале войны, позиции геополитических сторонников и асимметричный характер возможностей Азербайджана и Армении предопределял исход конфликта: Азербайджан, поддерживаемый Турцией, против Армении, не имеющей

сильного протектора. Армянская сторона ошибочно трактовала значимость своих связей со странами Запада и выступала с громкими лозунгами о правах на НКР, еще больше подогревая непримиримость Азербайджана. Российское внимание было сосредоточено на украинском направлении, а противоречивое внешнеполитическое поведение Армении до начала боевых действий привело к ослаблению отношений с Москвой.

Сформировавшийся новый баланс сил в регионе вывел на первые роли Турцию, которая продемонстрировала свой военно-технический потенциал и геополитические амбиции. С учетом динамики азербайджано-турецких отношений и активности Турции в Закавказье, дальнейшее укрепление политического веса в регионе и за его пределами представлялось ожидаемым. Это происходило за счет России, влияние которой ослабевало, несмотря на её значительную роль в решении острой фазы конфликта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пестрецов А.Р., Бабилов И.М. Азербайджано-турецкие отношения: достижения и проблемы. *Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2017;1(41):106-110.
2. Шпаковская М.А., Барнашов О.В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции. *Азия и Африка сегодня*. 2018;2:30-36
3. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции. *Свободная мысль*. 2014;3:71-78.
4. Иксаноглу Э. История Османского государства, общества и цивилизации: [в 2 т.] // Исследоват. центр Исламской истории, искусства и культуры. [пер. с тур. В. Б. Феновой]. Москва: Восточная литература; 2006. С. 562.
5. Исмаил Гаспринский. Полное собрание сочинений. Симферополь: Ин-т истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2016
6. Кривопапов А.А. Вторая карабахская война в политико-стратегической ретроспективе. *Россия и новые государства Евразии*. 2022;3:149-160.
7. Papava V. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia. *The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West*. 2005. pp. 85-102.
8. Агазаде М.М. Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? *Постсоветские исследования*. 2021;2:119-126.
9. Welt C., Bowen A.S. Azerbaijan and Armenia: The Nagorno-Karabakh Conflict. Congressional Research Service Report. 2021. 26 p.

10. Lowell Bezanis. Soviet Muslim e'migre's in the Republic of Turkey. *Central Asian Survey*. 1994;13(1):63.
11. Köse G., Wakisaka K. The Historical Dynamics of the Second Karabakh War and the Shift in Turkey's Policy: The Effects of the Syrian Civil War". *Karadeniz Araştırmaları*. 2022;19(74):311-327.
12. Ланцов С.А. Вторая карабахская война: предпосылки, причины, последствия. *Политические исследования*. 2022;3:96-107.
13. Гаджиев К.С. Южный Кавказ через призму Второй карабахской войны. *Россия и новые государства Евразии*. 2021;3:126-139.
14. Буторов А.С., Турава Г.М., Плиев С.М. Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе. *Постсоветские исследования*. 2022;8:780-786.

REFERENCES:

1. Pestretsov A.R., Babirov I.M. Azerbaijani-Turkish relations: achievements and problems. *Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2017;1(41):106-110 (In Russ.).
2. Shpakovskaya M.A., Barnashov O.V. The concept of neo-Ottomanism as a tool of "soft power" of Turkish foreign policy. *Asia and Africa today*. 2018;2:30-36 (In Russ.).
3. Avatkov V.A. Neo-Ottomanism. Basic ideologeme and geostrategy of Turkey. *Free Thought*. 2014;3:71-78 (In Russ.).
4. Ihsanoglu E. History of the Ottoman state, society and civilization: [in 2 volumes]. Research. center of Islamic history, art and culture. [transl. from tour V. B. Feonova]. Moscow: Vost. lit.; 2006. P. 562 (In Russ.).
5. Complete works of Ismail Gasprinsky // Simferopol: Institute of History named after. Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic. Tatarstan. 2016 (In Russ.).
6. Krivopalov A.A. The Second Karabakh War in Political and Strategic Retrospective. *Russia and the New States of Eurasia*. 2022;3:149-160 (In Russ.).
7. Papava V. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. 2005. pp. 85-102 (In Russ.).
8. Agazade M.M. Second Karabakh war: who is really the winner? *Post-Soviet studies*. 2021;2:119-126 (In Russ.).
9. Welt C., Bowen A.S. Azerbaijan and Armenia: The Nagorno-Karabakh Conflict. *Congressional Research Service Report*. 2021. 26 p.
10. Lowell Bezanis. Soviet Muslim e'migre's in the Republic of Turkey. *Central Asian Survey*. 1994;13(1):63.
11. Köse G., Wakisaka K. The Historical Dynamics of the Second Karabakh War and the Shift in Turkey's Policy: The Effects of the Syrian Civil War". *Karadeniz Araştırmaları*. 2022;19(74):311-327.
12. Lantsov S.A. The second Karabakh war: prerequisites, causes, consequences. *Polis. Political studies*. 2022;3:96-107.
13. Gadzhiev K.S. The South Caucasus through the prism of the Second Karabakh War. *Russia and the new states of Eurasia*. 2021;3:126-139. (In Russ.).
14. Butorov A.S., Turava G.M., Pliev S.M. Features of Russian influence on ensuring regional security in the South Caucasus. *Post-Soviet Studies*. 2022;8:780-786. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сеймур М. Агамалиев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;
seymuraga@mail.ru

Seymur M. Agamaliev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia;
seymuraga@mail.ru

Государственно-конфессиональная политика в России

Ирина В. Колосова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

tenagadalam@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается эволюция государственно-конфессиональной политики в России. Исследуется формирование государственной вероисповедной политики в период существования поликонфессиональной Российской империи, рассматриваются особенности религиозной политики и атеистической пропаганды в СССР, трансформация государственно-конфессиональной политики в годы перестройки и после распада Советского Союза. Рассматриваются особенности религиозного ренессанса на постсоветском пространстве. Исследуется процесс становления современной модели государственно-конфессиональной политики в России. Особое значение уделяется формированию нормативно-правовой базы взаимодействия органов государственной власти и религиозных конфессий, а также государственным структурам, обеспечивающим коммуникацию с религиозными организациями. Исследуется основные направления сотрудничества государства с традиционными религиями России. Отдельное внимание уделяется деятельности Межрелигиозного Совета России и Межрелигиозного Совета СНГ.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, православие, ислам, иудаизм, буддизм, традиционные религии России, межрелигиозный диалог, Межрелигиозный Совет России, Межрелигиозный Совет СНГ

Для цитирования: Колосова И.В. Государственно-конфессиональная политика в России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):249–264. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-249-264>

Поступила 17.07.2024

Принята в печать 19.08.2024

Опубликована 30.09.2024

The State Confessional Policy in Russia

Irina V. Kolosova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

tenagadalam@yandex.ru

Abstract: The article considers the evolution of the state confessional policy in Russia. It explores the genesis of the state religious policy in the period of existence of the multi-confessional Russian Empire, highlights the special features of the religious politics and atheistic propagan-

da in the USSR, the transformation of the state confessional policy during the years of perestroika and after the dissolution of the Soviet Union. The features of the religious renaissance on the post-Soviet space are being observed as well as the process of formation of the contemporary model of the state confessional policy in Russia. Special attention is paid to the development of the legal base for interaction of the state authorities and religious confessions and to the state structures which provide communication with religious organizations. The main areas of co-operation of the state with the traditional religions of Russia are being explored. Special attention is paid to the activities of the Interreligious Council of Russia and of the Interreligious Council of the CIS.

Keywords: state confessional policy, Orthodoxy, Uslam, Judaism, Buddhism, traditional religions of Russia, interreligious dialogue, Interreligious Council of Russia, Interreligious Council of the CIS

For citation: Kolosova I.V. The State Confessional Policy in Russia. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):249-264. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-249-264>

Received 17.07.2024

Revised 19.08.2024

Published 30.09.2024

ВВЕДЕНИЕ

Религиозная идентичность как осознание индивидом своей принадлежности к вероисповеданию и религиозному сообществу определяет его систему ценностей, норм поведения, представлений о семье, обществе, государстве [1:154–166]. Одновременно с этим формируется чувство сопричастности культурно-историческому наследию и лояльность авторитету религиозных институтов.

В последние годы религиозные объединения представляют собой важный элемент гражданского общества, а их институциональные структуры могут выступать участниками мирового политического процесса, поскольку взаимосвязи между членами религиозных общин складываются не только в рамках государства, но и «поверх» государственных границ [2:109–119]. Религиозные объединения способны формировать определенную систему ценностей, которая может как обеспечить защиту национальных интересов

и государственного суверенитета страны, так и напротив стать фактором дестабилизации для государства и общества. Политизированная религиозная лояльность может противопоставляться как общегражданским, так и государственным интересам.

В связи с возрастающим значением религиозного фактора в мировом политическом процессе, особое внимание уделяется необходимости проведения эффективной государственно-конфессиональной политики, направленной на недопущение противопоставления государственных, гражданских и религиозных интересов, и гармонизацию межрелигиозного взаимодействия как необходимого условия социально-политической стабильности общества. Одной из важных задач государственно-конфессиональной политики является укрепление внутреннего единства государства за счет постепенного усиления общегражданских интересов

и перенесения религиозных интересов из сферы политического в сферу индивидуального культурного выбора.

Среди существующих институциональных форм государственно-конфессионального взаимодействия исследователи выделяют несколько основных моделей: абсолютную теократическую монархию, ярким примером которой является Государство Град Ватикан, конкордатную теократию, характеризующуюся наличием «государственной церкви», а также сегрегационную и сепарационную модели отношений государства и религиозных организаций [3]. Выбор модели взаимоотношений зависит от исторической традиции, позиции руководства государства и лидеров религиозных конфессий.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Россия принадлежит к числу государств, в которых религиозная жизнь общества находилась в неразрывной связи с формированием государства.

Крещение Руси стало отправной точкой в развитии Древнерусской государственности, позволило войти в ряд христианских стран и повысить свой авторитет на международной арене.

Как отмечает исследователь И.А. Куницын, принятие христианства на Руси способствовало развитию правовой культуры: появление Православной церкви, привнесшей в общественную жизнь византийские религиозно-правовые нормы, способствовало заполнению существовавшего в тот период правового вакуума [4]. Важным элементом во взаимоотношениях церкви и государства стал воспринятый от Византии принцип «симфонии властей», сформулированный императором Юстинианом I в VI в. Согласно этому принципу светская и церковная

власть находятся в состоянии гармонии и синергии, осуществляя взаимную поддержку, но при этом не вмешиваясь в сферу компетенций друг друга. Принцип «симфонии властей» был характерен для православного российского государства вплоть до Синодального периода, когда церковь стала частью государственной системы.

При Петре Великом религиозная жизнь в Российской империи стала регламентироваться Святейшим Правительствующим Синодом, подотчетным императору — главе церкви. Поликонфессиональный состав империи диктовал необходимость в создании специальных органов, регулировавших положение верующих магометанского, иудейского и буддийского вероисповеданий, а также инославных христианских конфессий [6]. В XIX в. вопросы государственно-конфессиональных отношений в Российской империи находились в ведении Главного управления духовных дел разных (иностранных) исповеданий, созданного в 1810 г. императором Александром I, которое в 1832 г. было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, просуществовавший до 1917 г. До изданного Николаем II «Указа об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. переход из православия в другие конфессии и религии приравнивался к уголовному преступлению, что каралось каторгой вплоть до десяти лет, в то время как переход из других религий и конфессий в православие поощрялся [5:710–712].

В течение нескольких веков в Российской империи происходил поиск адекватных моделей взаимодействия с нехристианскими религиями, в частности с исламом и буддизмом. Россия интегрировала в себя исламский социокультурный пласт,

состоявший из значительных по численности мусульманских территорий и общин. В 1773 г. по указу Екатерины II ислам получил статус «терпимой религии», что позволило мусульманам осуществлять строительство мечетей и духовных школ под покровительством имперских властей. В 1788 г. было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание, а в 1831 г. — Таврическое магометанское духовное правление [6:2020–2033]. 15 декабря 1800 г. правительством было разрешено издание и распространение исламской религиозной литературы на арабском и татарском языках. В Казани и Санкт-Петербурге действовали типографии, издававшие Коран и мусульманские богословские труды [7:116–151].

В 1872 г. на Кавказе складываются конфессиональные духовные управления — шиитское и суннитское. Наряду с созданием исламских управленческих структур, императорские власти стали включать представителей мусульманской уммы в российские сословные группы, распространяя на них соответствующие права и обязанности. В 1831 г. был организован порядок принесения мусульманской воинской и судебной присяги на Священном Коране [8:252–262]. К концу XIX в. фиксируются первые государственные меры, направленные на организацию хаджа российских мусульман в Мекку [9:293–301]. Как отмечает историк-востоковед Д.Ю. Арапов, «исламский фактор» являлся для Российской империи составным элементом системы внешнеполитических отношений со значительным мусульманским населением, в первую очередь, с Османской империей и Ираном [10:8–13].

К началу XVIII века в состав Российской империи вошли два монголоязычных народа, исповедовавших

буддизм Махаяны — буряты и калмыки. В 1764 г. Екатерина II учредила пост Пандита-хамбо-ламы — главы буддистов Восточной Сибири и Забайкалья. В 1766 г. за благосклонность к буддийской вере бурятские ламы признали императрицу Екатерину Великую воплощением Белой Тары (санскр. «Спасительница»), являющуюся одной из главных женщин-бодхисатв [11: 237–249].

В 1914 г. под протекторат России перешел Урянхайский край (ныне — Республика Тува), где буддизм исповедовался с XIII в. Благодаря связям буддийских народов — подданных Российской империи с далай-ламой, завязались отношения между Российской империей и Тибетом, который для российских буддистов был местом паломничества к религиозным святыням. В тибетских монастырях-университетах обучались русские буддисты, отсюда доставлялись буддийские религиозно-философские трактаты и предметы культа. Россия стала первой европейской страной, установившей дипломатические отношения с Тибетом, учредив в 1901 г. по личному распоряжению императора Николая II российское консульство в городе Дарцендо (Дацзянлу) «для постоянных сношений Императорского правительства с высшими буддийскими властями Тибета» [12:6–7]. В 1900 г. по высочайшему согласию российского императора в Санкт-Петербурге был построен первый в Европе буддийский храм.

В отличие от ислама и буддизма, значительные трудности с признанием в Российской империи испытывал иудаизм. После присоединения территорий Речи Посполитой, где проживало более трети всех иудеев Европы, Россия столкнулась с необходимостью выстраивания отношений с многочисленными и влиятельными еврейскими общинами. Императрица

Екатерина II ввела черту оседлости для «лиц иудейского вероисповедания», ограничив их расселение территорией нескольких южных губерний и лишив торговых преференций. Только переход в христианство снимал с евреев установленные ограничения. В период царствования Николая I было крещено до 30 тысяч евреев [13]. Процесс ликвидации черты оседлости был начат только во время правления императора Александра II. Это способствовало появлению новых иудейских общин на европейской территории России и в Сибири. В 1861 г. евреи получили право устраиваться на государственную службу. Однако после убийства Александра II в стране начались еврейские погромы, не прекращавшиеся вплоть до начала XX в. Усилились тенденции правового ограничения иудеев. Не имея возможности получать высшее образование в России, дети многих зажиточных иудеев обучались в европейских университетах, а по возвращении на родину принимали активное участие в сионистских кружках и деятельности революционного движения.

Для решения проблем еврейских общин была создана «Раввинская комиссия» — высший официальный орган, выполнявший консультативные функции при Министерстве внутренних дел. В начале XX в. ведущими центрами религиозной жизни иудейских общин, наряду с традиционными в Одессе, Варшаве и Вильно, становятся Санкт-Петербург и Москва, где были сооружены синагоги [14:175–179].

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СССР

Произошедшие в России революционные события в 1917 г. отразились драматично на жизни всех верующих. С конца 20-х гг. XX в. начались репрессии в отношении религиозных деятелей, разрушение

культовых сооружений и распространение воинствующего атеизма. В результате в рядах союза воинствующих безбожников к ноябрю 1931 г. числилось свыше 5 млн членов, ими планировалось полностью уничтожить религию в СССР к 1937 году. В связи с этим традиционные религии оказались перед угрозой полного уничтожения.

В СССР сложился сегрегационный тип государственно-конфессиональных отношений, характеризовавшийся враждебным отношением государства к религии и верующим. Как указывает исследователь А.Ю. Григоренко, в таком государстве Церковь вытесняется на обочину общественной жизни и существует в сегрегации, нередко становясь жертвой преследований и репрессий [15:141]. В атеистическом советском государстве церковь перестает существовать как самостоятельная правовая единица, а власть государства имеет тенденцию к сакрализации [16:140–155].

Не желая отказываться от религии, духовенство и верующие осуществляли религиозную практику тайно. При отсутствии достаточного уровня религиозного образования, христианство, ислам, буддизм и иудаизм постепенно принимали упрощенные бытовые формы, нередко с искажением вероучения.

Во время Великой Отечественной войны в связи с необходимостью всенародного единения для победы над врагом происходит временное изменение религиозной политики советского правительства, что способствовало укреплению позиции Церкви и восстановлению церковной иерархии и, прежде всего, патриаршества. Во всей стране в православных храмах служились молебны о даровании победы, священники призывали верующих помогать воинам работой в тылу [17].

Улучшилось положение мусульманских общин, получивших возможность создания территориальных Духовных управлений (ДУМ). В мае 1942 г. на совещании улемов при ЦДУМ в Уфе было принято «Обращение ко всем мусульманам Советского Союза», от имени муфтия Габдрахмана Расулева, призвавшего к джихаду против немецко-фашистских захватчиков. Мусульмане активно участвовали в сборе средств для фронта и оказании помощи семьям солдат, героически проявляли себя в рядах советской армии [7:214–250].

Такую же сплоченность перед общим врагом продемонстрировали и буддийские народы. Тридцать восемь тысяч тувинских аратов написали письмо И.В. Сталину со словами: «Мы вместе. Это и наша война» [18]. Фашисты именовали тувинцев «Черная смерть» за то, что последние стояли насмерть даже при явном численном и техническом превосходстве противника. С августа 1921 г. после изгнания белогвардейских отрядов Колчака и Унгерна Тувинская Народная Республика существовала как независимое государство. В 1944 г. Республика приняла решение о вхождении в СССР [18]. Бурят-Монгольская АССР также послала на защиту Родины более 120 тысяч человек. В 1946 г. положение буддизма в стране укрепляется: было создано Центральное Духовное управление буддистов СССР, в Улан-Удэ был построен Иволгинский дацан, в Забайкалье открылся Агинский дацан.

Сложная обстановка возникла в Калмыцкой АССР. В начале войны на территории буддийской Калмыкии была сформирована кавалерийская дивизия, участвовавшая в оборонительных боях на Дону и на Северном Кавказе. Калмыки воевали в Красной армии в составе партизанских

отрядов и разведывательно-диверсионных групп. Однако в 1942 г. большая часть Калмыцкой АССР попала под оккупацию немецко-румынских войск. На ряд ответственных постов в Республике немцами были назначены белоэмигранты калмыцкого происхождения, оказывавшие поддержку Вермахту. Впоследствии обвинение в коллаборационизме стало основанием для упразднения Калмыцкой АССР и депортации значительного числа калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую область.

Во время войны советскими властями были допущены некоторые послабления в отношении иудаизма. Но в послевоенный период произошло усиление антисемитской кампании, ярким примером которой стало «дело кремлевских врачей», обвиненных во «вредительском лечении» высших лиц государства и участии в созданной американской разведкой международной еврейской организации «Джойнт» [19].

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. последовало постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июня 1954 г., ознаменовавшее собой начало новой антирелигиозной кампании властей. Открытое участие граждан в религиозной жизни создавало препятствия для их карьерного роста, что вновь загоняло религиозную жизнь в подполье [20].

Благоприятные условия для развития традиционных религий возникли только в годы «перестройки» в связи с либерализацией религиозной политики страны. 5 июня 1988 г. в СССР торжественно отмечалось Тысячелетие Крещения Руси. 1 октября 1990 г. был издан первый закон «О свободе совести и религиозных организациях», отразивший радикальное изменение политики властей в сфере

государственно-конфессиональных отношений.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

После распада СССР на постсоветском пространстве начался этно-религиозный ренессанс, ставший закономерным следствием демократических перемен, возрос общественный интерес к духовной жизни, находившейся долгое время под запретом. В связи с этим, традиционные религии, с одной стороны, получили государственное и общественное признание, с другой же были вынуждены за короткие сроки создать институциональные структуры, систему религиозного образования, обучить необходимое количество священнослужителей и восстановить разрушенные в период СССР культовые сооружения.

В условиях конкуренции религий в России начал формироваться обширный религиозно-идеологический рынок, свойственный современной потребительской культуре и готовый удовлетворить всевозможные запросы — от мировоззренческих до социально-политических. Наряду с возрождением деятельности традиционных религий, на территории России и стран СНГ усилилась прозелитическая активность финансируемых из-за рубежа католических, протестантских общин, радикальных исламских группировок и новых религиозных движений (НРД). Движения «Общества сознания Кришны», мормонов, сайентологов, неопятидесятников и других НРД стремились приобрести адептов среди представителей органов власти. Прямой угрозой безопасности личности стала деятельность НРД, в которых нарушались права на физическое и психическое здоровье, на рождение и воспитание детей в семье, право на собственность

[21:19–35]. Деятельность многочисленных нетрадиционных религиозных групп способствовала поляризации общества, кризису национальной идентичности, ослаблению духа патриотизма, росту делинквентных форм поведения, искажению ценностных ориентаций граждан [21].

В связи с возникшими вызовами российскому государству было необходимо законодательно оформить положение религиозных общин в стране. Как отмечал председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ (1994–2003) В.И.Зоркальцев, государству требовалось принять закон, который создаст «барьер на пути религиозной экспансии в Россию, препятствует развитию тоталитарных сект, ограничит действие иностранных миссионеров и при всем этом создает условия для деятельности традиционных религий и конфессий» [22]. Государство и институты традиционных религий начали искать возможность диалогового взаимодействия и сотрудничества, необходимого для консолидации общества.

В России сформировалась модель независимого сосуществования церкви и государства (сепарационная модель), при которой государство рассматривает религию как частное дело граждан и защищает их права на религиозную свободу, выступая гарантом равенства признанных религий перед законом. Согласно статье 14 Конституции РФ, Россия является светским государством, в котором все религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Никакая религия не может являться обязательной или устанавливаться в качестве государственной [23]. Государственная конфессиональная политика обеспечивает соблюдение прав человека на свободу совести

и вероисповедания, определяет характер взаимоотношений государства и религиозных общин, координирует деятельность религиозных объединений, а также сотрудничает с ними в деле решения государственных и общественных задач.

26 сентября 1997 г. был принят Федеральный Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» № 125, оформивший юридическую базу конфессиональной политики современного российского государства. В Преамбуле к Закону подтверждается светский характер российского государства. В статье 4 Закона закрепляется принцип невмешательства государства в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству РФ [24]. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства, последние не участвуют в выборах в органы государственной власти и местного самоуправления, в деятельности политических партий и политических движений. При этом религиозные организации в России обладают значительным авторитетом и принимают активное участие в решении социальных проблем.

В соответствии с Законом, религиозным объединением признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры. Закон различает два типа религиозных объединений — религиозную организацию, наделенную статусом юридического лица, и религиозную группу, не являющуюся юридическим лицом [24]. Законодательство предоставляет религиозным организациям право на осуществление широкого спектра деятельности — благотворительной, культурно-просветительской, образовательной, издательской, предпринимательской и др.

В Законе признается особая роль православия в истории и культуре России, а также подчеркивается необходимость уважения традиционных религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Государством признаются четыре традиционных для России религии — православное христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Общины традиционных религий в России осуществляют социальное служение и прилагают значительные усилия для поддержания согласия и стабильности в российском обществе [24].

Система взаимоотношений государства и религиозных организаций выстраивается на принципах сотрудничества, при сохранении четкого разграничения их функций. Сотрудничество государства и религиозных организаций осуществляется по таким направлениям, как миротворчество, защита и сохранение традиционных ценностей, поддержка института семьи, благотворительность, сохранение историко-культурного наследия и другим общественно значимым вопросам [25:280].

В России был создан ряд государственных структур, осуществляющих взаимодействие с религиозными объединениями [26:1073–1085]. С 1995 г. действует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ [27]. При Совете Федерации Федерального Собрания действует Совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями. Совет выступает в качестве экспертно-консультативного органа, способствующего совершенствованию законодательного обеспечения государственной политики в отношении религиозных объединений [28]. В Государственной думе действует Комитет по развитию гражданского общества, вопросам

общественных и религиозных объединений [29]. При Правительстве РФ создана Комиссия по вопросам религиозных объединений, в задачи которой входит решение вопросов государственно-конфессиональных отношений [30]. В рамках различных министерств и ведомств также существуют подразделения, занимающиеся вопросами взаимодействия с религиозными организациями. В частности, в МИД России в рамках Департамента по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями действует Отдел по связям с религиозными объединениями.

Религиозные деятели различных конфессий принимают участие в деятельности Общественной палаты России, в задачи которой входит взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления для обеспечения защиты прав и свобод граждан при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти. В структуру Общественной палаты входит Комиссия по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции [31], а также Комиссия по культуре и сохранению духовного наследия [32].

Таким образом происходит институционализация государственно-конфессионального взаимодействия, а также активное развитие иницируемого государством межрелигиозного диалога в России и на постсоветском пространстве. Немаловажную роль в этом сыграли инициативы В.В. Путина, Н.А. Назарбаева, а также активная позиция руководства Русской православной церкви и лидеров других традиционных религий.

Русская Православная Церковь взаимодействует с государством в рамках

концепции «сотрудничества» — сотрудничества Церкви с государством. В частности, взаимодействию церкви и государства посвящены третий и пятый разделы «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», утвержденной на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. [33]. Согласно «Основам социальной концепции...», областями сотрудничества церкви и государства является миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между народами и государствами, забота о сохранении нравственности в обществе, духовное, культурное, нравственное и патриотическое воспитание, дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ, здравоохранение, защита окружающей среды, поддержка института семьи, материнства и детства и др.

Как отмечает специалист по каноническому праву прот. В.А. Цыпин, традиционной областью общественных трудов Церкви является «печалование» перед государственной властью о нуждах народа, о правах и заботах отдельных граждан и общественных групп [34:809]. Церковь дает нравственную оценку происходящим событиям в стране и за ее пределами. Она призвана указывать государству на недопустимость распространения убеждений и действий, ведущих к разрушению личной, семейной и общественной нравственности, оскорблению чувств верующих, нанесению ущерба культурно-духовной самобытности народа или возникновению угрозы «священному дару жизни» [33]. Симфоническая модель «сотрудничества» государства и РПЦ рассматривается представителями других традиционных религий как пример эффективного государственно-конфессионального взаимодействия [35:35–45].

В 2001 г. советом муфтиев России были приняты «Основные положения социальной программы российских мусульман», где подчеркивается, что соблюдение законодательства страны является религиозным долгом мусульман России. В главе VIII отмечается, что в различные периоды истории мусульмане всегда были патриотами своей страны. Выражается готовность к постоянному диалогу с государством и стремление стать партнером в решении социальных проблем [36]. 3 июля 2015 г. была принята обновленная «Социальная доктрина российских мусульман», в которой более подробно и структурно изложены взгляды на взаимоотношения с государством [37].

В 2003 г. Конгрессом еврейских религиозных общин и организаций были приняты «Основы социальной концепции иудаизма в России» [38]. Документ представляет собой первый опыт систематического изложения позиции традиционного иудаизма по ряду современных общественно значимых проблем. В главе X отмечается, что нравственный смысл существования государства состоит в ограничении зла и поддержании добра. Иудаизм предписывает не только повиноваться государственной власти, но и молиться за нее ради улучшения мира [38]. Можно констатировать, что во всех четырех социальных концепциях традиционных религий отражена кооперационная модель взаимодействия с государством при взаимном невмешательстве в дела друг друга.

Межэтнические и межконфессиональное согласие является непреложным условием социально-политического развития страны [40:55–68].

Согласно Указу Президента РФ от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики РФ на период

до 2025 г.», в ряду приоритетных направлений российской национальной политики отмечается «профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве; обеспечение межнационального и межрелигиозного мира и согласия, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом, а также на приграничных территориях РФ» [41].

Одной из ключевых тем государственно-конфессионального взаимодействия являются вопросы миграции. Федеральная миграционная служба РФ в рамках работы по адаптации и интеграции мигрантов осуществляет сотрудничество с религиозными организациями. С апреля 2013 г. ФМС и РПЦ сотрудничают в области «социально-культурной адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства... их интеграции в российское общество на основе уважения и соблюдения традиционных ценностей», а также в сфере предупреждения «межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов» [39]. Также осуществляется сотрудничество ФМС с мусульманскими общинами, с учетом того, что большая часть мигрантов является мусульманами.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОВЕТА РОССИИ

Важной площадкой межрелигиозного и государственно-конфессионального взаимодействия является Межрелигиозный совет России (МСР). Совет был образован 23 декабря 1998 г. на совместном заседании глав православной, мусульманской, иудейской и буддийской общин. Целью МСР является укрепление межрелигиозного и межнационального согласия, противодействие использованию религиозных чувств для разжигания межэтнических

конфликтов, утверждение в обществе традиционных ценностей, строительство культовых зданий, проблемы миграции, защита прав семьи и ребенка, противодействие абортам, и др. Одной из первых инициатив МСР было предложение о введении Дня народного единства 4 ноября.

МСР объединяет усилия представителей традиционных религий, органов государственной власти и представителей широкого круга общественности для решения социальных и национально-религиозных проблем в России. Почетным председателем МСР является Святейший Патриарх Кирилл. В приветствии участникам заседания Президиума МСР, посвященного двадцатилетнему юбилею совета, В.В. Путин подчеркнул, что «среди ключевых приоритетов деятельности Совета — вопросы сбережения духовного, культурного, исторического достояния, гармонизации межнационального и межрелигиозного взаимодействия, развития плодотворного сотрудничества с органами государственной власти в сфере просвещения, благотворительности, укрепления института семьи и семейных ценностей, воспитания подрастающего поколения. Столь большая, многогранная деятельность — достойна самого глубокого уважения и поддержки. И конечно, она служит упрочению гражданского мира и согласия в стране» [42].

В 2004 г. на заседании II Межрелигиозного миротворческого форума в Москве при поддержке президентов России, Азербайджана, Грузии и Армении был учрежден Межрелигиозный Совет

СНГ. Сопредседателями Совета являются Святейший Патриарх Кирилл и глава Управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде. В Президиум Совета входят главы традиционных религий стран СНГ для принятия совместных решений по вопросам противодействия религиозно мотивированному экстремизму и терроризму и недопущению использования религии для оправдания насилия [43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственно-конфессиональное взаимодействие является стратегически важным элементом политики России. На сегодняшний день сформировано правовое поле, которое способствует выстраиванию государственно-конфессиональных отношений по принципу сотрудничества — «сорботничества», при котором государство создает условия для реализации прав и свобод традиционных религий и поддерживает их инициативы, направленные на совместное решение широкого спектра общественных проблем. В свою очередь, общины традиционных религий не вмешиваются в дела государства, при этом демонстрируют консолидированную позицию в отношении внешних и внутренних вызовов и угроз российскому обществу и государству, активно участвуют в межрелигиозном и государственно-конфессиональном диалоге, направленном на обеспечение стабильности общества и ценностно-нравственной устойчивости российского государства-цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пронина Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен. *Вестник*

Русской христианской гуманитарной академии. 2015;16(2):154-166.

2. Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций». *Век глобализации*, 2008;1:109-119.
3. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? Москва: Академия; 2007. 664 С.
4. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. Москва: Православное Дело: Отчий дом; 2000. 462 С.
5. Собрание Указов и распоряжений Правительства, СПб: Сенатская типография, 17 апреля 1905 г. (№ 63, Отд.1, Ст.526). 1905; 710-712.
6. Колосова И.В. Диалог православия и ислама в контексте государственно-конфессиональной политики в России. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023;13(5):2020-2033.
7. Мухетдинов Д.В. История ислама в России. К 200-летию со дня рождения Шихабутдина Марджани. Москва: Медина, 2019. 296 С.
8. Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. *Древнее право*. 2002;2(10):116-151.
9. Арапов Д.Ю. Первый российский указ о паломничестве в Мекку. Сборник: Россия в средние века и новое время. Москва, 1999; 293-301.
10. Арапов Д.Ю. Россия и мусульманский мир. *Сборник Русского Исторического общества*. 2003;7(155):8-13.
11. Колосова И.В. Буддизм в Центральной Азии и России: история и современность. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(2):237-249.
12. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского ун-та; А.Терентьева Нартанг, 2006. 464 С.
13. Максимов Ю. Краткий обзор отношений православия и иудаизма. URL: https://www.k-istine.ru/judaism/judaism_maksimov-02.htm. (дата обращения: 14.01.2024).
14. Вихнович В.Л. Иудаизм в России. СПб. Издательский дом Питер, 2006. 224 С.
15. Григоренко А.Ю. Основные типы и модели государственно-церковных отношений в современном мире (XX-XXI века). *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015;16(2):140-144.
16. Гараджа В.И. Социология религии. Москва: Наука; 1995. 348 С.
17. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви, гл.VI. URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/440004/>. (дата обращения: 14.01.2024).
18. Честь и доблесть тувинцев — солдат по прозвищу «Черная смерть»// История. рф. 04.02.2020. URL: <https://histrf.ru/read/articles/chiest-i-dobliest-tuvintsiev-soldat-po-prozvishchu-chiernaia-smiert>. (дата обращения: 14.01.2024).
19. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Москва: Международные отношения; 2003. 784 С.
20. Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» № 39 от 12 сентября 1958 г. URL: <https://web.archive.org/web/20220718025735/https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/> (дата обращения: 14.01.2024)
21. Колосова И.В. Новые религиозные движения в России и СНГ. *Обозреватель-Observer*. 2016;11:19-35.
22. Стенограммы обсуждения законопроекта № 96700475-2 «О свободе совести и о религиозных объединениях», 19.09.1997 г. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/96700475-2>. (дата обращения: 15.01.2024).
23. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными

- в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitutiono>. (дата обращения: 15.01.2024)
24. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523>. (дата обращения: 15.01.2024)
 25. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Сретенского монастыря; 2019. 528 С.
 26. Ильющин П.С. Основы политико-правового положения религиозных объединений в России. *Вопросы политологии*. 2023;13(3):1073-1085.
 27. Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава / Распоряжение Президента Российской Федерации от 02.08.1995 г. № 357-рп. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8157>. (дата обращения: 14.01.2024)
 28. Положение о Совете по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/61938>. (дата обращения: 14.01.2024)
 29. Комитет Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. URL: <http://komitet-rgo.duma.gov.ru/about/polozhenie-i-voprosy-vedeniya> (дата обращения: 14.01.2024)
 30. Постановление Правительства РФ от 9 июля 1994 г. № 820 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и ее персонального состава». URL: <https://base.garant.ru/6324655/#friends>. (дата обращения: 14.01.2024)
 31. Комиссия по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции Общественной Палаты РФ URL: https://www.oprf.ru/structure_list/146 (дата обращения: 14.01.2024)
 32. Комиссия по культуре и сохранению духовного наследия Общественной Палаты РФ. URL: https://www.oprf.ru/structure_list/145 (дата обращения: 14.01.2024)
 33. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> Дата обращения: 14.01.2024
 34. Цыпин В.А., прот. Каноническое право. 2-е издание. Москва: Сретенского монастыря; 2012. 864 С.
 35. Зуев Ю.П. Социальные концепции религиозных объединений России: первый опыт самоопределения. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2010;4:35-45.
 36. Основные положения социальной программы российских мусульман. URL: <https://muslim.ru/articles/280/8471/> (дата обращения: 14.01.2024)
 37. Социальная доктрина российских мусульман от 03.07.2015. URL: https://bolgar.academy/uploads/files/2020/01/28/socialnaya-doktrina-rossijskih-musulman_1580209181.pdf. (дата обращения: 14.01.2024)
 38. Основы социальной концепции российского иудаизма // *Religare*, 22.12.2003. URL: http://www.religare.ru/2_7722.html (дата обращения: 14.01.2024)
 39. Соглашение о взаимодействии Русской Православной Церкви и Федеральной миграционной службы России от 19 апреля 2013 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2917828.html>. (дата обращения: 14.01.2024)
 40. Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Позиция и роль РПЦ в процессе гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в РФ. *Modus vivendi — Свободная мысль*. 2019;6:55-68.

41. Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 о внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843>. (дата обращения: 14.01.2024).
42. Межрелигиозный Совет России. Официальная страница. URL: <http://interreligious.ru/about/> (дата обращения: 14.01.2024)
43. Межрелигиозный Совет СНГ. Официальная страница. <http://interreligious.ru/interreligious-council/> (дата обращения: 14.01.2024)

REFERENCES

1. Pronina T.S. Religious identity as psycho-social phenomenon. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2015;16(2):154-166 (in Russ.).
2. Mitrofanova A.V. Religious factor in world politics and the issue of “civilizations”. *The Age of Globalization*. 2008;1:109-119 (in Russ.).
3. Toschenko J.T. *Theocracy: phantom or reality?* Moscow: Academia; 2007. 664 p. (in Russ.).
4. Kunitzin I.A. The legal status of religious associations in Russia: historical experience, special features and actual issues. Moscow: Pravoslavnoe delo: Otchiy dom; 2000. 462 p. (in Russ.).
5. Collection of Laws and Regulations of the Government, St.Petersburg, Senate Printing House 1905. — 17 april (№ 63, dep.1, coll.526) 1905;710-712 (in Russ.).
6. Kolosova I.V. Dialogue between Ortodoxy and Islam in the context of state confessional policy in Russia. *Issues of National and Federative Relations*. 2023;13(5):2020-2033 (in Russ.).
7. Mukhetdinov D.V. History of Islam in Russia. On the 200th anniversary of the birth of Shihabuddin Marjani. Moscow: Medina; 2019. 296 p. (in Russ.).
8. Arapov D.Yu. The Oath of Muslims in Russian legislative acts and legal literature of the XIX century. *Ancient Law*. 2002;2(10):252-262 (in Russ.).
9. Arapov D.Yu. The first Russian decree on pilgrimage to Mecca // *Collected Articles: Russia in the Middle Ages and Modern Times*. Moscow. 1999;293-301 (in Russ.).
10. Arapov D.Yu. Russia and the Muslim world. *Collected papers of the Russian Historical Society*. 2003;7(155):8-13 (in Russ.).
11. Kolosova I.V. Buddhism in Central Asia and Russia: History and Modernity. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(2):237-249 (in Russ.).
12. Andreev A.I. *Tibet in the Politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia*. St.Petersburg: St. Petersburg University Press; A.Terentyev's publishing house Narthang; 2006. 464 p. (in Russ.).
13. Maksimov Yu. A brief overview of the relationship between Orthodoxy and Judaism. URL: https://www.k-istine.ru/judaism/judaism_maksimov-02.htm. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
14. Vykhnovich V.L. *Judaism in Russia*. St. Petersburg. Piter Publishing House; 2006. 224 p. (in Russ.).
15. Grigorenko A.Yu. Main types and models of state-church relations in the modern world (XX-XXI centuries). *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2015;16(2):140-144 (in Russ.).
16. Garadja V.I. *Sociology of religion*. Moscow: Nauka Publishing House; 1995. 348 p. (in Russ.).
17. Tsylin V., prot. The History of the Russian Orthodox Church, Chapter VI. URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/440004/>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
18. The honor and valor of the Tuvan soldiers nicknamed “The Black Death” // *Istoria.rf* 04.02.2020. URL: <https://histrf.ru/read/articles/chiest-i-dobliest-tuvintsiev-sol-dat-po-prozvischchu-chiernaia-smiert>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
19. Kostyrchenko G.V. *Stalin's secret policy. Power and anti-Semitism*. Moscow: Interna-

- tional Relations Publishing House; 2003. 784 p. (in Russ.).
20. Note by the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU for the Union Republics "On the shortcomings of scientific atheistic propaganda" № 39, as of September 12, 1958. URL: <https://web.archive.org/web/20220718025735/https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 21. Kolosova I.V. New religious movements in Russia and the CIS. *Obozrevatel — Observer*. 2016;11:19-35 (in Russ.).
 22. Transcripts of the Discussion of Draft Law No. 96700475-2 "On Freedom of Conscience and on Religious Associations", URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/96700475-2>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 23. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitutiono>. [Accessed: 15.01.2024] (in Russ.).
 24. Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" as of 09/26/1997 № 125-FZ, art.4-6. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523>. [Accessed: 15.01.2024] (in Russ.).
 25. Shakhov M.O. The legal base for religious associations activities in the Russian Federation. 3rd ed., reprint. and add. Moscow: Publishing house of the Sretenskiy Monastery; 2019. 528 p. (in Russ.).
 26. Ilyushin P.S. Fundamentals of the political and legal status of religious associations in Russia. *Political Science Issues*. 2023;13(3):1073-1085 (in Russ.).
 27. On the approval of the Regulations on the Council for Interaction with Religious Associations under the President of the Russian Federation and its structure / Decree of the President of the Russian Federation as of 08/02/1995. № 357-rp. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8157>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 28. Regulations on the Council for Interethnic Relations and Interaction with Religious Associations under the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru/structure/docs/61938>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 29. The State Duma Committee on the Development of Civil Society, Issues of Public and Religious Associations. URL: <http://komitet-rgo.duma.gov.ru/about/polozenie-i-voprosy-vedeniya> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 30. Resolution of the Government of the Russian Federation № 820 dated July 9, 1994 "On Approval of the Regulations on the Commission on Religious Associations under the Government of the Russian Federation and its personnel". URL: <https://base.garant.ru/6324655/#-friends> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 31. Commission on Interethnic, Interreligious Relations and Migration of the Public Chamber of the Russian Federation. URL: https://www.oprf.ru/structure_list/146 [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 32. Commission for Culture and Preservation of Spiritual Heritage. URL: https://www.oprf.ru/structure_list/145 [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 33. Fundamentals of the Russian Orthodox Church social concept. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
 34. Tsyplin V.A., prot. Canonical law. 2nd edition. Moscow: Publishing house of the Sretenskiy Monastery; 2012, 864 p. (in Russ.).
 35. Zuev Yu.P. Social concepts of religious associations in Russia: The first experience of self-determination. *State, Religion and Church in Russia and Abroad*. 2010;4:35-45 (in Russ.).
 36. Main provisions of the social program of Russian Muslims. URL: <https://muslim.ru/articles/280/8471/> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).

37. The social doctrine of Russian Muslims, adopted 03.07.2015. URL: https://bolgar.academy/uploads/files/2020/01/28/socialnaya-doktrina-rossiyskih-musulman_1580209181.pdf. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
38. Fundamentals of the Russian Judaism social concept // Religare, 22.12.2003. URL: http://www.religare.ru/2_7722.html [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
39. Agreement on Cooperation between the Russian Orthodox Church and the Federal Migration Service of Russia, April 19, 2013. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2917828.html>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
40. Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. Position and the role of the ROC in the process of harmonization of interethnic and interfaith relations in the Russian Federation. *Modus vivendi — Free Thought*. 2019;6:55-68. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
41. Decree of the President of the Russian Federation as of 06.12.2018 № 703 on amendments to the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843>. [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
42. Interreligious Council of Russia. The official page. URL: <http://interreligious.ru/about/> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).
43. Interreligious Council of the CIS. The official page. <http://interreligious.ru/interreligious-council/> [Accessed: 14.01.2024] (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина В. Колосова, Кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; tenagadalam@yandex.ru

Irina V.Kolosova, PhD (history), Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; tenagadalam@yandex.ru